

Рудольф Штайнер

Умирание земли и жизнь мира

ЛЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУКИ О ДУХЕ

Введение в зимние лекции 28. 01. 1918 г

Дорогие друзья! Мне незначит говорить вам о том, какая для меня большая радость в том, что я опять могу быть здесь с вами в это трудное, полное испытаний, время. И так как мы теперь после долгого перерыва опять впервые можем обсуждать вопросы науки о духе, нам должно быть особенно важно в это тяжелое время вспомнить о том, что наука о духе должна быть далека от того, чтобы быть только теорией, что она скорее должна служить существенной крепкой опорой, связующей души людей и не только людей живущих здесь на физическом плане, но связующей их и с теми, которые живут в духовных мирах. Нам это так важно, особенно в наше время, когда бесчисленные души покинули физический план при условиях, о которых мы так часто говорили: в наше время, когда так много душ подвержены самым тяжелым испытаниям, какие мировая история до сих пор вообще когда-либо налагала на людей. Независимо от общих представлений, которые здесь и в других местах проходят через наши души в начале этих лекций, попытаемся сегодня индивидуально направить наши чувства, наши ощущения к тем, которые находятся на полях сражения, а также и к тем, которые в ходе этих событий уже прошли сквозь врата смерти (Читается медитация):

Духи ваших душ, действенные стражи.

Отнесите на Ваших крыльях Молящую любовь наших душ Доверенным Вашей охране людям сфер.

Чтобы соединяясь с вашей силой Молющая паша сияла бы помощью для душ, Которых она ищет любя, И пусть Дух, к Которому мы стремимся В течении ряда лет, благодаря дарованной нам Духовной науке, и Который ради спасения Человечества и Земли, ради их свободы и Преуспевания в развитии прошел через Мистерию Голгофы — Да будет Он с вами И вашими трудными обязанностями.

Мои дорогие друзья! Может быть это тяжелое время испытаний, среди которых стоит человечества, все более и более будет приближать душам значение духовного углубления. В таком случае это тяжелое время испытаний не даром пройдет для человечества современности и будущего. Но испытываешь чувство — эти мысли высказываются не для того, чтобы критиковать кого-либо, а для того, чтобы апеллировать к правильным чувствам — испытываешь чувство, что еще не настало время, когда трудности современных событий достаточно научили людей. Испытываешь чувство, что необходимо все более и более внятно говорить к человеческим душам, к человеческим сердцам, исходя из духа времени. Ибо в настоящее время могут говорить не одни только человеческие голоса, но это голоса, таинственно звучащие из тяжелых и кроме того таких значительных фактов.

Все, что я сегодня, как бы лепечущим и недостаточным образом говорю вам, особенно встает перед моими глазами оттого, что последнее мое путешествие в Швейцарию многое показало мне именно в смысле отношения нашего духовного движения к задачам времени. Кто внимательно прочел тот цикл лекции, который я перед войной читал в Вене, о переживаниях человека между смертью и новым рождением и по поводу того, что там вообще могло быть изложено о человеческой жизни, тот знает, как тогда перед войной указывалось на более глубокие причины, более глубокие основы так ужасно изживавшихся впоследствии событий. И можно сказать; все, что можно теперь прочесть между строк

жизни, должно быть, собственно, понято во вне, как живое доказательство правильности того, что тогда было сказано. Как вы знаете, общая «болезнь времени» была тогда, хотелось бы сказать, радикальным образом определена (болезнь была определена, как социальная раковая опухоль). То там, то здесь замечается, что великие события кое чему научили. Но с другой стороны, именно, когда в общей связи рассматривает частности, казалось бы незначительных явлений, ясно и определенно замечается, как в течение последних столетий стало неподвижно человеческое мышление на физическом плане, как медленно приходят люди к каким-либо решениям или мерам, которые они должны принять. В качестве введения хотелось бы мне сегодня сказать вам о некоторых фактах, которые я пережил во время этого путешествия по Швейцарии, ибо, как мне кажется, необходимо, чтобы интересующиеся нашим движением могли несколько разобраться в его образе в целом. Но здесь будут афористически приведены только некоторые частности.

Как нечто особенно отрадное должно рассматриваться то, что во время моего последнего пребывания в Швейцарии из кругов молодых академиков Цюрихской высшей школы нашлись люди, ожидавшие услышать от меня такой цикл лекций, который протянул бы нити к различным академическим наукам. Я прочел четыре лекции в Цюрихе, из коих первая рассматривала отношение антропософской науки о духе к психологии, науке о душе, вторая — отношение этой науки о духе к истории, третья — к естествознанию, а четвертая — к социальным наукам, к великим социальным и правовым народным проблемам нашего времени. Это, может быть, не будет ошибкой, если мы в этом именно усмотрим некоторые интерес к установлению связей с академическими науками, разумеется, далеко не в том размере, в каком это было бы желательно. Мы могли показать, что академические науки всюду ждут того дополнения, можно было бы также сказать «осуществления», которое может придти только со стороны антропософски ориентированной науки о духе и что частичные науки современности останутся половинчатыми или может быть даже еще менее того, если они не смогут получить этого дополнения. Везде, где мне удалось читать в Швейцарии лекции, я указывал на то, чего, собственно, в этом смысле недостает нашему времени и чего должно достичь наше время, чтобы воплотить это в тенденции, которые переведут его в будущее. Все же можно было почувствовать, что после того, как в начале в Швейцарии существовало сильное противодействие нашим устремлениям, в последнее время постепенно (противодействие, конечно, не ослабело, а даже усилилось) — но наряду с противодействием развился более живой интерес, и, так как карма привела нашу постройку в Швейцарию, могло случиться, что деятельность именно в этой стране могла бы иметь большое значение, особенно, если она сложится так, как я стремился это сделать; что наша деятельность явится также свидетельством о тех источниках духовно-научных исследований, во многих отношениях незамеченных и скрытых именно в германской духовной жизни. Это чувство с одной стороны затрагивает скорбно и трагически, с другой же стороны дает глубокое удовлетворение. Кто примет во внимание тот факт, что вместе со всем остальным в настоящее время и эта германская духовная жизнь подвергается клевете со стороны четырех пятых всего мира, как они сами утверждают — действительно подвергается клевете, — кто примет во внимание всю многозначительность этого факта, (а это не всегда делают), тот может питать с одной стороны скорбные, а с другой — отрадные надежды, что может быть именно антропософски ориентированная духовная наука дает возможность прозвучать во внешнем мире тому голосу германской духовной жизни, каким она должна прозвучать для того, чтобы развитию Земли не было нанесено ущерба. Когда людям говорят в истинном смысле о духе, т. е. когда им говорят об истинных источниках жизни духа, то находят и всегда будут находить возможность говорить ко всем людям без различия национальности.

Скорбью могло бы наполнить и то обстоятельство, что с одной стороны видишь, как эти духовнонаучные устремления завоевывают некоторую почву, с другой — явственно выступает то, что и в такой стране, как Швейцария, в настоящее время становится все труднее и труднее противостоять враждебным натискам. Нелегко создать себе в какой бы то ни было мере свободное суждение под давлением четырех пятых всего мира, нелегко даже

найти слова для того, чтобы в такой, хоть и нейтральной стране, но в которой-то четыре пятых мира все же играют значительную роль — чтобы в такой стране сказать все, что должно быть сказано. Отношения в мире сильно обострились.

Правда, положительным является то, что слово, учение именно там поддерживается формами и творениями нашего дорнахского здания, которое также и перед внешним взором воплощает стремления нашей духовной науки и тем самым может показать, что эта духовная наука, там, где ей дают осуществиться в практической жизни, которая в настоящее время ставит человеку такие большие требования.

Когда в настоящее время говорят об отношении антропософски ориентированной духовной науки к другому знанию и велению в мире, то вопрос идет о том, чтобы приблизить к людям действительно совершенно новые, непривычные представления. В общем в подосновах своего сознания люди смутно совершенно убеждены в том, что с той или другой стороны должно придти нечто новое, (но они также невероятно негибки в смысле мышления, невероятно медлительны в восприятии). Можно сказать, что основной чертой нашего времени, когда жизнь идет таким быстрым темпом, — является то, что люди страшно медлительно мыслят. Это проявляется в мелочах. В Цюрихе удалось протянуть нити от антропософской духовной науки к академическим наукам. В Базеле я выступал публично раньше, чем в Цюрихе. Незадолго перед тем, как я должен был уехать из Швейцарии, я получил также из Базеля приглашение в академическом контексте говорить об отношениях антропософской духовной науки к другим наукам. Но было уже слишком поздно, так что это уже не могло быть выполнено. Я упоминаю об этом по двум причинам: во-первых потому, что это могло бы иметь большое значение — говорить о нашей духовной науке в помещении, предназначенном непосредственно для академической науки и по инициативе базельского студенчества; с другой стороны я упоминаю об этом потому, что эти люди были так медлительны, что явились перед самым концом. Это характерно, что люди всегда перед самым концом решаются на то, к чему раньше могли бы привести их гибкость мышления, способность к быстрому восприятию. Необходимо, чтобы эти вещи обсуждались среди нас, дабы мы могли с ними сообразоваться. Достаточно только принять сегодня во внимание хотя бы одну из тех тем, о которых я в последнее время говорил, и станет ясно все то значительное, что должно совершиться.

В Цюрихе я между прочим говорил о нитях, которые идут от антропософски ориентированной духовной науки к историческим наукам, к исторической жизни человека. У нас имеется «История». Ее преподают детям, преподают студентам. Но что представляет собой эта «История»? Она даже и не подозревает о тех силах, которые господствуют в исторической жизни человечества по тон простой причине, что вся современная интеллектуальная жизнь сводится к тому, чтобы привести в движение рассудок человека, привести в движение так называемые вполне осознанные понятия и идеи и все понимать, исходя из этого. Да, так можно понимать внешнюю, доступную чувствам природу, так можно понять то мышление, которое одерживает такие большие победы в области естествознания. Но, применяя это мышление к истории, хотели сделать историю одной из естественных наук. В XIX веке стремились рассматривать историю так же, как в естествознании рассматривают чувственные предметы. Но это невозможно по той простой причине, что исторические факты находятся в совершенно ином отношении к жизни, чем естественнонаучные. На что обращают люди свой взор в исторической жизни? Каковы исторические импульсы?

Кто думает постичь исторические импульсы тем рассудком, который может быть очень правильно приведен в естествознании, тот никогда не найдет исторических импульсов, (ибо они действуют в историческом развитии также, как сновидения в нашей собственной сновидческой жизни). Исторические импульсы не доходят до обычного сознания, с помощью которого мы овладаем повседневностью или естествознанием. Но то, что совершается в истории, действует подобно импульсам, которые влияют на нашу жизнь сновидений. Можно сказать: историческое становление есть великое сновидение

человечества. Но то, что входит в сновидения, как мелькающие образы, становится ясным и отчетливым в имажинациях духовной науки. Поэтому нет такой история, которая не была бы духовной наукой. История, которую преподают в настоящее время — не история.

Германа Гримма поразило, что историк Гиббон, описывая первые времена христианской эры, описывает только падение римской империи, а не постепенное укрепление христианства, его рост и процветание. Но, конечно, Герман Гримм не знал причины, почему хороший историк умеет хорошо описывать падение, а не рост и становление. (Причина лежит в том, что способом современного исторического понимания может быть понято лишь то, что разрушается, но не то, что становится, что растет). Это последнее таким образом вживается в человеческое развитие, как обыкновенно вживаются сновидения в индивидуальную жизнь. Поэтому и описать это может только тот, у кого бывают имажинации. У кого их не бывает — будь он хоть Ранке или Ламфехт — описывает лишь труп истории, а не действительность исторического становления. Ибо об импульсах исторического становления сознание может только грезить. И если обычное сознание пытается понять то, что находится в процессе исторического становления, то оно это может понять только тогда, когда исторические импульсы находятся в подсознании. Новейшее время дает нам интересные примеры этого. Кто наблюдая это время, тот видел, как в течение последних десятилетий более или менее вымер интерес людей к великим вопросам мировых соотношений, или стал чисто академическим, что равносильно почти его вымиранию, стал школьным интересом. Есть глубокая связь между этим фактом и тем, что в настоящее, время школьный учитель, стоящий во главе самой значительной республики, собирается обнародовать лозунги для всего человечества. Если мы спросим себя, где в течение последних десятилетий было понимание великих соотношений человечества, выраженных в идеях, носивших своего рода религиозный характер, хотя и грубо религиозный в то время, как все остальное находилось более или менее в состоянии вымирания? Где оно было? Если верно оценить обстоятельства, можно сказать: в социализме. В нем были идеи, которые направлялись только на грубо-материальную жизнь и к сожалению этим идеям не противостоял никакой иной мир идей. Кто знает, какие идеи социализма выступили на поверхность, тот найдет, что это некоторым образом исторические идеи (это сновидения человечества). Но какие сновидения? Нужно иметь понимание этих «сновидений» об исторических событиях человечества. Я попытался в своих лекциях в Швейцарии уяснить это людям, говоря им: попробуйте сделать правителями и вождями людей, которые очень умны, но у которых нет никакого понимания того, что я теперь называю «сновидческими импульсами» и вы увидите, что из этого выйдет. Попробуйте практически ответить на вопрос: каким образом возможно скорее всего систематически разрушить какое-нибудь сообщество (я об этом говорил и в публичной лекции). Надо повести дело так, чтобы во главе этого сообщества поставить парламент и в этот парламент посадить исключительно ученых и профессоров: это верное средство к тому, чтобы систематически разрушать это сообщество. Они не должны быть необходимо профессорами, занимающими кафедры, они могут быть также и социалистическими вождями, среди которых имеется достаточно профессоров. Развив в себе ощущение таких вещей, вы можете спросить себя: как собственно создалась эта всеобъемлющая теория социализма? Если вы захотите воплотить в действительность социалистические теории, то они приведут только к разрушению. Как произошло что эти социалистические идеи родились в голове людей? Что эти теории представляют собой?

Тот, кто хочет это знать, должен иметь внутреннее знакомство с историей последних четырех столетий, в особенности же с историей XVIII и XIX столетий. Он должен знать, что история последних четырех столетий и особенно последних двух есть действительно картина борьбы человеческих классов и сословий и Карл Маркс, например, только вывел, как теорию то, о чем в течение последних четырех или двух столетий грезило человечеству, то, что действительно было, но о чем оно теперь уже перестало мечтать и что должно было уступить место новому времени. Маркс построил свою теорию в тот момент, когда человечество уже

перестало об этом грезить. Социализм, который был выведен, как теория, в тот момент, когда факты уже были изжиты в грезах, показывает, что рассудок, пользуется уже погибшим и уже разложившимся в труп, когда он подходит к фактам средствами познания, вполне применимыми, например, в естественных науках. Исходя именно из таких познаний, мы должны будем понять, что в настоящее время мир действительно стоит на поворотном пункте, когда ему в понимании исторического становления человечества придется убедиться, что это историческое становление можно понять не иначе, как духовно научно, (и настоящее время стало уже историческим и когда вживаются в будущее, то вживаются в уже историческое становление). Даже нельзя составить себе верной картины самых последних событий, если не считаться с наукой о духе. Я приведу вам пример, который я вам часто приводил в последнее время.

Важное событие, совершившееся в средние века между строк европейской жизни заключалось в том, что на протяжении Средних веков европейское человечество утратило знание и западной части мира (мы здесь в своем кругу и поэтому можем говорить о таких вещах, хотя стоящие во вне люди часто смеются над нами, но они не всегда будут смеяться). Всегда существовали связи, особенно между Ирландией и Англией и той областью, которую в настоящее время называют Америкой. Ирландия и Англия всегда поддерживали известные связи с Западом и не только в том столетии, когда произошло так называемое «открытие Америки» испанцами. Но внешняя история так неясна, что в настоящее время у людей собственно такое чувство, что до 1492 года в Европе вообще не знали Америки. Так думают почти все. Можно было бы привести много подобных фактов, которые духовной науке пришлось бы обнаружить из своих источников. Мы в настоящее время стоим у поворотной точки, когда именно историческая жизнь должна рассматриваться с точки зрения духовной науки.

Может быть скажут: но так как наука о духе, как мы ее рассматриваем, может развиваться, собственно, только в наше время, то как обстоит дело с более ранними временами?

Когда мы обращаемся к более ранним временам, мы находим нечто такое (иное), что до известной степени может сравниться с тем, что мы теперь называем имажинациями духовной науки. Мы находим мифы, сказания, и из силы мифа и из силы сказания, которые были образами, могли бы взять поистине более реальные, более соответствующие действительности политические импульсы, более реальные, чем из абстрактных учений современной истории или политической экономии, (Ибо то, что объединяет людей, что обуславливает их совместную жизнь должно быть понято не в абстрактных понятиях). Раньше это было выражено в мифах. Конечно, мы теперь не можем творить мифы. Мы должны прийти к имажинациям и постигать историческую жизнь путем имажинаций и из этого выковывать политические импульсы, которые поистине будут иными, чем те фантастические импульсы, о которых в настоящее время грезят столь многие, или, как хотелось бы сказать: чем школьные импульсы.

Теперь еще трудно говорить людям: историческая жизнь есть нечто такое, что по отношению к обычному представлению, собственно, протекает в подсознательном. С другой же стороны эта скрытая от человека жизнь слишком сильно стучится во врата событий, во врата человеческих импульсов вообще. Можно сказать, что в настоящее время всюду люди хотели бы приблизиться к тем устремлениям познания, которые направлены к духу, но все с негодными средствами, — это проявилось именно во время Цюрихских лекций. В Цюрихе можно познакомиться с аналитической психологией, которая стала там уже академической, с так называемым «психоанализом», а именно к моим лекциям примкнули самые удивительные рассуждения об отнесениях антропософически ориентированной Духовной науки к психоанализу. Но психоаналитики подходят к миру духовной науки с духовно завязанными глазами и не могут ориентироваться в нем. Но этот мир стучится в двери того, что в настоящее время должно быть раскрыто людям.

Так, например, в Цюрихе есть профессор Юнг, который недавно опять написал

брошюру по психоанализу (он написал много книг по этому вопросу) и который затрагивает в ней ряд проблем, но обнаруживает, что подходит ко всему с негодными средствами. Я приведу один факт, из которого вы увидите, что я имею в виду. Юнг приводит один пример, вообще часто приводимый психоаналитиками:

С некой женщиной произошло следующее: она должна была в одном доме провести вечер. Хозяйка дома, куда она была приглашена, должна была тотчас же после ужина уехать на курорт, так как была не совсем здорова. Ужин идет обычным порядком, хозяйка дома уезжает, гости так же расходятся. Приглашенная дама, о которой я рассказываю, тоже уходит вместе с группой гостей. Как это иногда бывает при возвращении из гостей, эти люди шли не по тротуару, а посреди улицы. Вдруг из-за угла появляется экипаж. Все расступились перед ним в сторону, кроме упомянутой дамы. Она продолжала бежать по мостовой перед самыми лошадьми. Кучер бранился, но она все так же продолжала бежать дальше, пока не добежала до моста. Чтобы выйти из этого неприятного положения, она решается броситься через перила моста в реку. Она это и сделала и ее спутники, погнавшиеся вслед за ней, успели еще спасти ее. И, так как — это было для них проще всего, они привели ее опять в тот дом, откуда недавно вышла и хозяйка которого уехала. Она встретила там мужа этой дамы и провела с ним несколько часов в его доме.

Теперь представьте себе, что может сделать из этого происшествия человек с негодными средствами. Подойдя к делу по методу психоаналитиков, он найдет те таинственные уголки души, которые говорят нам о том, что уже на седьмом году своей жизни душа этой женщины имела какое-то переживание, связанное с лошадьми: при выходе из общества, она была так поражена видом экипажа, который вызвал у нее из подсознания это прежнее переживание, что она не отошла в сторону, а пустилась бежать впереди экипажа. Таким образом для психоаналитика все происшествие становится результатом связи настоящих переживаний с «неразрешенными душевными загадками» из области воспитания и т. д. Но все это является исследованием событий негодными средствами, ибо эти психоаналитики не знают, что господствующее в человеке «подсознательное» более существенно, чем они это предполагают, что оно даже гораздо утонченнее, гораздо хитроумнее, чем то, что человек имеет в своем сознательном рассудке. Это подсознание также часто бывает гораздо мужественнее и гораздо смелее. Ибо психоаналитик не знает только, что демон сидел в душе этой женщины, которая ушла, — я с таким же успехом мог бы сказать: уже пошла туда с подсознательной мыслью остаться наедине с тем человеком, когда уедет его жена. Все это предусмотрено утонченнейшими средствами подсознания, ибо все делается с гораздо большей уверенностью, когда человек не участвует в деле своим сознанием. Эта женщина просто бежала перед лошадьми, чтобы быть пойманной, когда дело дойдет до этого и держала себя соответственно. Но этого не видит психоаналитик, ибо он не предполагает, что всюду существует духовно-душевный мир, к которому имеет отношение человеческая душа. Однако Юнг догадывается об этом. Из множества выступающих перед ним явлений он догадывается, что человеческая душа связана со многими другими душами. Но он ведь должен оставаться материалистом, иначе он не был бы «умным современным человеком».

Итак, что же он делает? Он говорит: человеческая душа всюду находится в отношениях ко вне душевным духовным фактам — это явствует из того, что происходит с человеческой душой. Но таковых ведь не существует! Как же тут быть? Значит душа имеет тело, которое происходит от других тел, а эти в свою очередь от других; затем существует наследственность и Юнг приходит к заключению, что душа переживает наследственно все то, что люди переживали, например, по отношению к языческим богам. Это еще живет в человеке, живет благодаря наследственности и превращается в «изолированные уголки души», которые нужно сначала вызвать наружу, если хотят освободить от них человеческую душу. Он даже признает, что человеческая душа имеет потребность находиться в каком-то отношении к этим уголкам и что они могут разрушить нервную систему, если их не поднять до сознания. Поэтому он высказывает мысль, которая совершенно оправдывается

современным мировоззрением: человеческая душа не может не иметь отношения к божественному существу, не подвергая себя внутренне гибели. Это так же верно, как и то, что с другой стороны правда, что никакого божественного существа вообще нет. Вопрос об отношении человеческого душевного существа к Богу не стоит ни в какой связи с вопросом о существовании Бога.

Вот что говорится в его книге. Итак, подумаем, что перед нами, собственно, происходит: научно устанавливается, что человеческая душа должна создать себе отношение к Богу, но что точно так же верно и то, что безрассудно предполагать существование Бога: и так, для поддержания своего здоровья душа осуждена на то, чтобы выдумать существование Бога. Солги, что Бог есть, иначе ты заболеешь! — вот что, собственно, говорится в этой книге.

Но из этого видно, что великие загадочные проблемы стучатся в двери и что только современность противится им. Если только иметь достаточно мужества, то в настоящее время можно было бы на каждом шагу заметить нечто подобное. Но только не хватает мужества! Ибо я говорю все это не для того, чтобы придаться к профессору Юнгу, а потому, что думаю, что он в своем мышлении мужественнее других. Он говорит то, что должен говорить сообразно с предпосылками современности. Другие не говорят этого, У них еще меньше мужества.

Нужно подумать обо всех этих вопросах, если мы хотим как следует понять, что это, собственно, значит, когда духовная наука приносит такую истину: то, что совершается в исторической жизни человечества, а, следовательно, и в жизни политических импульсов, не имеет ничего общего с обыкновенным сознанием, не может иметь ничего общего с обыкновенным сознанием, но может быть действительно понято и усвоено только с наступлением имажинативного сознания. Также и в отношении к самым характерным представителям — как я часто в последнее время говорил — антисоциального понимания истории в политике можно было бы сказать, что направление Вильсона должно быть заменено имажинативным познанием действительности. Но направление Вильсона очень распространено и многие являются его последователями, не подозревая того. Дело не в именах, но в тех фактах, среди которых живут люди. Я могу в известном отношении говорить о Вильсоне более непредвзято, ибо всегда могу указать на то, что в цикле, читанном в Гельсингфорсе перед войной я высказал суждение о Вильсоне и что мне незачем было во время войны узнавать, плодом какого духа является человек, сидящий на троне Америки. Но можно было бы очень легко указать на все эти голоса, всюду расточавшие похвалу Вудро Вильсону и лишь недавно умолкнувшие. Теперь многое уже известно. Теперь известно даже то, что этот господин, сидящий на троне Америки, для составления своих самых действенных республиканских документов взял старые (1864 года) послания покойного императора Бразилии Дон-Педро и просто списал оттуда напечатанные там слова с той только разницей, что там Дон-Педро говорил: «Я должен вступить за интересы Южной Америки», а он пишет: «Я должен вступить за интересы Соединенных Штатов» и т. д. с соответствующей перефразировкой.

Когда и на нашей территории появились в свое время обе книги Вильсона «О свободе» и «Только литература» раздавалось не меньше хвalebных голосов. Это было еще недавно, лишь 5–6 лет тому назад. В этой области вильсонизма люди кое чему научились. Но по отношению к другим вопросам было бы крайне необходимо, чтобы чему-нибудь научили их значительные события современности. Для этого, правда, необходимо, чтобы люди отнеслись очень серьезно ко многим вещам, которые раскрываются только на почве и основе духовнонаучного познания. С большой легкостью обвиняют антропософски ориентированную духовную науку в том, что она «теоретична», указывают ей на то, что другие направления непосредственно идут к делу, что они не мучают людей, заставляя их понимать развитие миров, что они говорят людям о «любви», об общей человеческой любви, о том, как любить и что любить. И что же тысячелетиями говорилось на этот лад о любви, как этого еще и теперь желали бы многие, и, несмотря на это любовь изживается так, как она

изживается теперь. Дайте хотя бы на гораздо более короткое время духовной науке овладеть человеческими душами, и вы увидите, что эта духовная наука взойдет в человеческих сердцах как любовь. Ибо нельзя проповедовать любовь. Любовь может расти только тогда, когда ее правильно взращивают. Тогда она и растет. Она есть плод духа. Она и у человека есть плод действительного познания, того познания, которое направлено не на одну только материю, но и на дух.

Этимися словами я хотел в вводной лекции только указать на некоторые ощущения, которые должны стать для нас значительными, может быть именно в наше время. Но я указал на то, что я имею в виду дать в дальнейших лекциях. Я буду говорить обо всем, что может в настоящее время побудить в человеческой душе силу, мужество и надежду. Я хотел бы говорить обо всем, что духовная наука может дать человечеству иного, чем ему дали столетия, и я хотел бы говорить о духовной науке, как о чем-то живом, которое не является в нас теорией, но рождает в нас второго, духовного человека, который несет и поддерживает первого в мире. И в этом, я думаю, прежде всего нуждается современность. В Средние века было время, вы все его знаете, когда многие люди иногда чувствовали фантастическую потребность делать золото. Почему они хотели делать золото? Они тем самым желали чего-то, что не может быть реализовано при обыкновенных земных условиях. Почему? Потому что они понимали, что обычные земные условия, если они не будут одухотворены, если они не будут пронизаны духовными импульсами, не смогут дать людям истинного удовлетворения. Это есть, в сущности, содержание учения Евангелия. Только люди обыкновенно не замечают самого важного: они критикуют воззрение Евангелия, что сошло царство Божие. Да, но разве его нет? Оно есть! Оно только не во внешних жестах! Оно должно быть достигнуто внутренне. Только не надо отрицать его, как его отрицают в наше время. И об этом сошествии царства Духа мы также будем говорить в ближайшее время.

Так хотел я сегодня взять, так сказать, основную ноту. Наше время нуждается в том, чтобы перекинуть мост к тому царству, в котором живут умершие — количество тех, которые теперь прошли через врата смерти, насчитывается миллионами. Они живут среди нас и мы можем их найти. О том, как мы можем их найти, об этом мы будем говорить по-новому.

ЛЕКЦИЯ 2 РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА 29. 01. 1918 г

Дорогие друзья! В ходе наших рассмотрений часто обращалось внимание на слова, сияющие на протяжении времен на фронтоне греческого Храма Аполлона: «Познай себя».

В этих словах заключено очень большое требование человеческой мудрости, и вместе с тем и мировой мудрости. Правда, что эти слова в значительной мере обновлены и углублены тем импульсом, который был дан Мистерией Голгофы. Если время позволит, то мы в течение этой зимы еще будем, может быть, говорить об этих вещах. Мы попытаемся найти путь именно к тем целям, которые этим намечаются.

Я хотел бы взять сегодня исходной точкой казалось бы внешнее — рассмотреть человека, как бы внешнюю форму человеческого самопознания, которое однако только по видимости является внешним, на самом же деле есть первая и значительная сила, если ей овладеть, для проникновения во внутреннее существо человека. Я хотел бы взять исходной точкой внешний человеческий облик.

В принятой в настоящее время науке этот внешний человеческий образ рассматривается, по большей части, лишь в таком смысле, который с высшей духовной точки зрения является довольно неудовлетворительным. Можно сказать: кто теперь захочет познать человека, найдет мало побуждения к такому познанию человека в науке, по крайней мере, и той науке, которая культивируется в современности. Ибо что эта наука уже дала, что уже имеется, — это вы можете уяснить себе из различных указаний моей последней книги «О загадках души». Эта книга дает важные и значительные краеугольные камни для

широкого познания человеческого существа. Но в настоящее время не ищут этих краугольных камней, а то, что теперь предлагает анатомия, физиология и т. д. дает очень мало вопрошающему, который серьезно стремится проникнуть в существо человека, исходя из познаний внешнего физического человеческого облика. В этом смысле гораздо больше дает теперь художественное рассмотрение. Можно сказать: многое оставляет в наше время наука неудовлетворенным. И если кто-нибудь решится в Гетевском смысле искать действительную, субстанциональную истину, также и в искусстве, особенно в художественном рассмотрении мира, то он таким путем найдет теперь, быть может, больше истины, чем в общепризнанной науке. В будущем будет существовать мировоззрение, которое произойдет из духовной науки, как бы мало этого не чувствовали еще теперь: будет существовать мировоззрение, которое из известной человеческой потребности познания соединит в высшем синтезе и гармонии научное и художественное ощущение мира. В нем будет гораздо больше ясновидения, чем в том ясновидении, о котором теперь грезят некоторые, — но именно только грезят.

Когда мы подходим к человеческому образу, то можем заметить в нем прежде всего нечто очень важное, если обратить наш взор как вы это, конечно, все более или менее уже делали, — на основной стержень человеческого образа, который выступает перед нами в скелете. Все вы, вероятно, видели человеческий скелет и заметили ту разницу, какая существует между головной частью и остальным человеческим обликом. Вы при этом могли заметить, что голова есть, в известном смысле, законченное целое, которое, как на колонне, помещается на системе конечностей, на всем остальном человеческом организме. У скелета можно очень легко отделить покоящуюся на всем остальном человеческом организме голову. Если вы таким образом обратите внимание на самую поверхностную разницу, то можете заметить, что голова, собственно, более или менее приблизительно шарообразна. Это незаконченная форма шара, но в человеческой голове заложена форма шара. Как духовнонаучный исследователь, я должен далее предостеречь от того, чтобы в основу стремления к познанию класть внешние поверхностные аналогии. Но созерцание человеческой головы, как приближающееся к форме шара не является «поверхностным» рассмотрением формы человеческой головы, ибо человек действительно является в своем роде «двойственным» и шарообразная форма его головы отнюдь не случайна. Нужно только принять во внимание, что мы, собственно имеем перед собой в человеческой голове. Первые указания на то, что я здесь имею ввиду, были даны в наших духовнонаучных рассмотрениях, в книге, которую я назвал «Духовное водительство человека и человечества», где я уже указал, как действительно человеческая голова являет собой отображение всей Вселенной, Вселенной, выступающей перед нами внешне, как шарообразное пространство, как полный шар.

Когда говоришь об этих вещах, необходимо обратить внимание на нечто такое, от чего еще далек современный человек и что он всегда применяет в одной области, но чего он не хочет применять именно там, где это имеет огромное значение. Если кто-нибудь возьмет в руку компас или магнитную стрелку и если эта магнитная стрелка одним концом направится к магнитному северному полюсу, а другим к южному магнитному полюсу, никому теперь не придет в голову искать причину того, что магнитная стрелка направлена именно так только в самой магнитной стрелке, но физик почувствует себя вынужденным рассматривать, как одно целое магнитную стрелку и исходящую от северного магнитного полюса земли магнитную силу, когда эта магнитная сила направляет один конец стрелки к северному, а другой к южному полюсу. Здесь ищут во Вселенной причину того, что происходит в магнитной стрелке в самом маленьком пространстве. Но этого не делают там, где это следовало бы делать, где было бы очень важно, чтобы это делали. Когда теперь кто-нибудь видит — именно как человек науки — что в одном живом существе образуется другое живое существо, так например, когда кто-нибудь видит, что в курице образуется яйцо, то также совершается нечто в самом маленьком пространстве: но здесь, обыкновенно не приходит в голову применить и теперь то, что он должен сказать себе относительно магнитной стрелки и

сказать: причина, что в теле курицы образуется зародыш яйца лежит не в курице, но во всем Космосе. Но как в магнитной стрелке участвует вся великая Вселенная, точно также и в материнском теле курицы, несмотря на все участвующие в этом процессы, — участвует весь Космос в своей сферической, в своей шарообразной форме. Те процессы, которые по линии наследственности ведут обратно к предкам, лишь соучаствуют, когда в материнском организме образуется зародыш яйца. В наше время это звучит ересью по отношению к официальной науке, но все же это истина. И силы Космоса соучаствуют самым различным образом. И как истинно то, что у человека фактически (то, что я говорю, доказывает эмпирическая эмбриология) голова, в своем зачатке, образуется из всей Вселенной, как истинно то, что человеческая голова возникает в материнском организме сначала, так же истинно с другой стороны и то, что силы, наиболее обуславливающие это возникновение действуют из всего Космоса и что человек в своей голове, есть отображение всего Космоса. То, что присоединяя к голове (можно сказать — к скелету), если особенно присмотреться к этому — по своей конфигурации, по своей форме более связано с тем, что лежит по линии наследственности, связано с отцом, матерью, бабушкой и дедушкой, нежели с тем, что находится во вне, в Космосе. Так же и в отношении своего возникновения, своего развития человек есть двойственное существо. По своему облику он с одной стороны образован из Космоса и это выражается в шарообразной форме его головы, с другой стороны он образован из всего потока наследственности и это выражается во всем остальном, связанном с головой организма. Весь внешний облик человека показывает его нам, как существо двойственное, показывает нам, что у него двойное происхождение.

Подобный способ рассмотрения имеет не только то значение, что мы с помощью его можем познать нечто, но еще и иное. Кто рассматривает человека по методу обыкновенной официальной науки, кто, например, смотрит в микроскоп и видит, как развивается зародыш и видит только то, что там есть (подобно тому, как захотели бы увидеть в магнитной стрелке, почему она обладает способностью устанавливаться в направлении севера и юга), тот живет в таком громоздком мысленном строе, который делает его неподвижным и непригодным для внешней жизни, особенно, если поступать так, как это делают во внешней науке. И если применять такие мысли к социальным наукам, то они либо оказываются недостаточными, либо ведут к школьному умничанью в мировом масштабе, которое иначе еще можно обозначить как «вильсонизм». Итак, вопрос о том, какое в нас воспитывается мышление, какие формы возникают в наших мыслях, в то время, как мы отдаемся известным мыслям. «Знать» о вещах имеет меньше значения: какое действие оказывает на нас определенный способ знания, какую пригодность он приносит с собой — вот в чем вопрос. И если мы обладаем открытостью для рассмотрения человека в связи с мировым целым, то в нас будут пробуждены и те мысли, которые вводят в этическое мировоззрение, в правовое мировоззрение, которое в действительности должно быть самым высшим, но которое в настоящее время представляет собой нечто весьма странное.

Итак, вы видите, что для отыскания такого знания, какое здесь имеется в виду, существуют еще некоторые иные импульсы, кроме удовлетворения, — я не хочу сказать любопытства, но исключительной жажды знания.

Таким образом, человек стоит перед вами, как двойное, как двойственное существо. Это имеет еще гораздо более глубокое значение. И я хотел бы сегодня дать прозвучать тому основному тону, который пройдет через нашу работу, чтобы вызвать в ваших душах чувство значительности того, что мы обсуждаем.

Остановимся на том, что голова в дальнейшем течении нашей жизни, — голова, которая теперь представляет перед нами, как отображение всего мира — в существенном является посредником для нашего познания (я не хочу сказать «орудием», ибо я этим сказал бы нечто не совсем правильное). Но не только голова является посредником для нашего познания. Остановимся на познании, на восприятии мира. Его доставляет голова, но также и весь остальной человек. И так как остальной человек даже по своему происхождению есть нечто совершенно отличное от головы, нечто иное, то человек, также поскольку он существо

познающее, состоит из головного человека (я называю его так, как я уже называл его раньше) и сердечного человека, ибо в сердце концентрируется все остальное. Каждый из нас есть в действительности два человека: человек головы, который относится к миру, как существо воспринимающее, и человек сердца. Разница в том, что человек, хотя он иногда и бранится на мир, тем не менее пользуется для сознания только головой. Что собственно лежит в основе этого? Если провести параллель между познанием головой и познанием сердцем, то это дало бы очень мало. Тот, кто воспринимает сердцем то, что познает головой, был бы в своем познании «теплее», чем другой. Между людьми существовала бы разница, но она была бы невелика. Если же подходить к вещам с духовнонаучным опытом, то предстает нечто совершенно иное. Мы усваиваем себе познания, восприятия; это происходит постепенно, что к нам приходят восприятия и познания.

Итак, происходит следующее: то, как мы головой относимся к миру, как мы с помощью ее воспринимаем и познаем — это совершается в известном отношении быстро. То, как мы в познании относимся к миру всем остальным организмом, происходит медленно. Ко всем остальным различиям, которые я уже прошлой зимой приводил в отношении развития мира и человека, присоединяется еще то, что наша голова спешит со своим познанием, остальной же организм не спешит. Это имеет глубочайшее значение. Когда воспитывают в школе, то, в сущности, обращают внимание только на воспитание головы. Людей воспитывают теперь только для головы, это можно сделать по школьной программе. Ибо в самом крайнем случае, голова, если она в течение продолжительного времени участвует в развитии познания, заканчивает свое развитие на 20-х годах жизни. Тогда голова завершает свое познание, усвоение мира. Весь остальной организм нуждается для этого во всем периоде до смерти. И можно сказать: голова проделывает это приблизительно в три раза скорее, чем весь остальной организм. Остальной организм не спешит, он развивается втрое медленнее, он идет совершенно иным темпом. И поэтому для человека, обладающего даром наблюдать познанием подобные вещи, ясно, что если он что-либо постиг головой, он должен ждать, пока он не соединит это со всем своим существом. Чтобы воспринять что-либо, как нечто полное жизни, нужно действительно, — если воспринятое головой продолжалось, например, один день, — ждать от трех до четырех дней, пока не воспримешь это во всей полноте. Добросовестный исследователь духа никогда не станет передавать того, что он воспринял только головой то, что он воспринял только головой, но только то, что он воспринял всем своим человеческим существом. Это имеет в высшей степени широкое и глубокое значение. По существующим условиям мы, собственно, можем теперь давать нашим детям только некоторый род головного знания. Мы не даем им такого знания, которое приемлемо для остального организма. Дело остается при головном знании, при знании, которое так уже устроено, чтобы оно могло усваиваться головой и чтобы впоследствии его можно было вспомнить. Правда, люди потом не помнят предметов, о которых идет речь при обучении, и бывают рады, когда избавляются от них после последнего экзамена. Знание, которое может быть вполне проработано остальным организмом, оно при всяких обстоятельствах впоследствии при воспоминании о нем, вызвало бы к себе любовь, радость, сердечность. Вопрос о том, как устроить обучение, чтобы впоследствии человек в течение своей жизни, когда он будет вспоминать о нем, мог оглянуться на него с сердечностью, радостью, с известным воодушевлением, связан с глубочайшими тайнами мистерии человечества.

В этой области предстоит огромная работа. Ибо кто знаком с относящимися сюда вещами, знает, что все, что мы, особенно, в наше время даем детям, уже заранее так устроено, что остальной организм этого не приемлет, что оно впоследствии не доставляет радости. Но с этим связано то, что в наше время люди сравнительно рано душевно старятся, ибо в этом тайна человека: когда, например, голове 28 лет, весь остальной организм, который в своем развитии следует за головой, достигает лишь трети или четверти этого возраста, остальной организм придерживается в темпе три, четыре раза более медленного (с другими соотношениями мы еще познакомимся).

Итак, если бы человек в смысле педагогики пошел навстречу этим мистериям, он мог

бы воспринять нечто такое плодотворное, что этого хватало бы до момента смерти. Ибо если он до 25-го года воспринимал такие знания и ему нужно было бы для переработки их в три раза больше времени, то остальной организм мог бы их перерабатывать до 75-го года. Но для человека во всей полноте его существа имеет всеобъемлющее значение не то знание, которое усваивает голова, а только внутренне познавательное переживание, которое весь человек усваивает себе всем своим существом. Но в наше время общественная жизнь даже противится этому: она согласна воспринимать только мудрость головы. Подумайте только, вы легко можете убедиться в значении того, о чем я сейчас говорю: кто-нибудь мог до 15-го года своей жизни столько воспринимать головой, что если бы он эти понятия переработал и если бы эти понятия относились бы, например, к управлению общественными делами, он к 45-годам был бы достаточно зрел, чтобы быть выбранным в городское управление, в парламент, ибо сюда он должен войти, как цельный человек. И в основе воззрения древних, еще имевших живое знание об этих вещах, лежали подобные знания. В наше время, наоборот, все устремления направлены к тому, чтобы по возможности понизить пределы возраста, ибо теперь каждый к 20-ти годам также зрел, как прежде бывали к 80-ти. Но здесь должны решать не требования диктуемые желаниями, а только правильное познание.

Итак, эти вопросы имеют важное отношение к жизни. Вся наша собственная жизнь устроена так, что принимает в расчет только то, что люди получают через знание головы. Несмотря на то, что в настоящее время люди собственно в социальном общении мудро общаются только головами, это общение головами (подумайте только: все социальное общение есть только головное общение!). Ибо откуда происходит голова? Голова человека, (мы это уже говорили) не от Земли. Она создана из Космоса. И головой нельзя устроить земных дел. Никто головой не бывает национальным, никто не принадлежит головой какой-либо части Земли. Головой мы должны решать только то, что относится ко всему миру. Но для того, чтобы иметь возможность решать о том, что принадлежит земле, нам необходимо в течение всей жизни срастаться с тем, что принадлежит Земле и что нас делает гражданами Земли, а не гражданами неба. Так оно должно быть. То, что может лежать в основе общественного суждения, должно быть добыто из более глубоких познаний о самом человеке. И опять-таки вспомним то, что Гете высказал, как «мысль о метаморфозе». Это имеет глубокое значение и имеет еще более широкое применение, чем какое Гете мог в свое время сделать из этого. Но я хочу сегодня наметить только основные линии: эти вопросы будут еще обсуждаться.

Итак, наша голова образована из Космоса. Если мы рассмотрим это явление духовнонаучно, то мы должны сказать, в течение всего времени между смертью и новым рождением, мы совершаем предварительную работу для того, чтобы образовать нашу голову (мы, ведь, в это время работаем в Космосе). Мы работаем над нашим организмом тем, что мы преимущественно между смертью и новым рождением работаем над нашей головой. Эта голова, в известном отношении, гробница души, души, какова она была до рождения, или, можно сказать, до зачатия. Тогда прекращается та деятельность, которую мы совершаем в духовной жизни между смертью и новым рождением. И к тому, что, в известном отношении, формируется из духовного мира, присоединяется затем то, что связано с этим из потока наследственности. Но что же это такое, что связано с этим из потока наследственности? Это все же нечто, что связано с головой. Я уже раньше указывал на это: то, что есть в человеке, кроме его головы, это зачаток для головы в следующей инкарнации. Силы, которые мы вырабатываем в течение всей жизни, отрываются от всего остального организма, когда мы проходим сквозь врата смерти. Не они сохраняют те образования, которые были присущи остальному организму при жизни. Это мы пронесли через время между смертью и следующим рождением и претворяем в голову.

Итак, в нашей голове мы имеем также и то, что является наследием из прежней инкарнации и в нашем остальном организме мы имеем в то же время нечто, что действует определяюще на образование нашей головы в следующей инкарнации. В этом отношении наша природа и является двойственной.

Подумайте, как при виде того, что человек действительно целиком поставлен в космические связи, мы приходим к заключению, что он возникает и образуется не только в каком-то промежутке времени и промежутке пространства, который мы имеем перед собой в физическом созерцании, но что он стоит внутри огромных соотношений. Совершенно изумительно, когда мы не только, подобно Гете, смотрим на кость позвоночника и затем на черепные кости и говорим себе: черепные кости есть только видоизмененные кости позвоночника. Но совершенно изумительно, когда мы видим, как все, что есть в голове, есть и в остальном организме. Только необходимо совершенно непредвзятое рассмотрение для того, чтобы, например, не только нос и все, что относится к голове, признать за такое видоизменение, но также и все, что (только в состоянии более ранней метаморфозы) относится к остальному организму. Все это в более поздней метаморфозе видоизменяется в то, что впоследствии предстает нам в голове.

Я сказал: в педагогическом отношении в высшей степени важны последствия, вытекающие из подобного взгляда. И если когда-нибудь мышление человека обратится к этому духовнонаучному познанию, то возникнут необычайно значительные требования к практической педагогике.

Прежде всего важно одно: мы стареем в нашей жизни. Но, в сущности, мы можем сказать: стареет наше физическое тело, ибо как это ни странно, наше эфирное тело, следующая духовная часть нашего существа, все молодеет. Чем старше мы становимся, тем моложе становится наше эфирное тело, и в то время, как у нас являются морщины и лысины на физическом теле, в нашем эфирном теле мы становимся или, по крайней мере, можем становиться все более юными и цветущими. Но, правда, мы должны позаботиться о том, чтобы к нашему эфирному телу притекали силы молодости также, как внешняя природа заботится о том, чтобы старилось физическое тело. Но мы можем достичь этого, только вводя через голову достаточное питание из таких духовных представлений, которых хватило бы для переработки на всю жизнь. Духовнонаучному исследователю может рисоваться картина того, как в самой ранней юности детям может быть преподано о человеке, как отображении всей Вселенной, отображении мудрого Божественного Мировопорядка, но так, что он может быть непосредственно и элементарно охвачен ребенком, а не путем поднесения ему непонятных библейских слов. Но все это должно быть создано из духа духовной науки, тогда появится более жизненное головное знание, чем в наше время. Но оно сделается для человека на всю его жизнь источником молодости в то время, как наше современное преподавание не является таким источником молодости, а его противоположностью. И если мы в наше время еще имеем счастье не быть брюзгами, вследствие пройденных нами годов учения, то это происходит только от того, что современный способ заботиться о голове (который подготовлялся приблизительно в течение четырех столетий и который теперь достиг кульминационной точки) еще не был в состоянии достаточно разрушить то культурное наследие, которое сохранилось еще из древних времен. Но если мы будем так продолжать преподавать только для голов, то мы окажемся на лучшем пути к тому, чтобы действительно воспитать брюзгливых. Я уже говорил недавно (война прервала это): в годы перед войной велика была тяга в «санатории», велики были средства для избавления от «нервности». Все это связано с тем, что голове дается не то, в чем нуждается весь человек. Как мало делается правильного в этом направлении. Ибо мне приходится снова и снова вспоминать о том, как я несколько лет тому назад посетил однажды санаторий, с целью навестить там одного человека. Мы прибыли туда в обеденное время. Все живущие в санатории продефилировали мимо нас. Частью это были очень странные люди, нервность которых была отчасти написана на их лицах и у которых дрожали руки и ноги. Но затем я познакомился с самым нервным, с самым дрожащим в санатории, а именно с заведующим врачом. И следует сказать, что заведующий врач не в состоянии был бы найти нужного для лечения своих больных, если бы сам не является тем, кто сам наиболее нуждался в лечении. В других отношениях он был очень милым человеком, но был примером тех людей, которые в своей юности, конечно, не восприняли того, что может сохранить им молодость в течении

всей жизни. Таких вещей нельзя изменить какими-либо отдельными реформами и из тех условий, в которых они находятся, их нельзя перенести в иные условия: эти вещи можно исправить, когда будет исправлен весь социальный организм. Поэтому необходимо обратить внимание на весь социальный организм. Великие мировые законы позаботились о том, чтобы каждый, как отдельный человек в этой области не мог удовлетворить своего эгоизма, но чтобы он мог найти свое благо, только ища его в сообществе с другими.

Так я представляю себе, и каждый, кто представляет себе не только то, что живет в чувственном, но кто умеет обратить свой взор от чувственного к сверхчувственному, откуда должны притекать силы для преобразования мира для ближайшего будущего, — тот может представить себе, что в этой области, а также и в других может быть введено в жизнь духовнонаучное, введено тем, что честно и искренне в конкретном будет проработано то, к чему духовная наука может дать импульсы. Вы видите, что в том смысле, в каком мы часто говорили и в каком мы все снова будем говорить, нет необходимости гнаться за визионарным ясновидением, а нужно только с внутренним пониманием постигнуть человека, как подобие мировой духовности, тогда придет и духовность. Невозможно понять и пронизать взором человека в его целом, не проникнув в то, что лежит в основе человека, как духовное и не считаясь с этим. Но одно необходимо — я часто на это указывал: отказ от одного недостатка, который в настоящее время так страшно распространен в отношении всех вопросов мирозерцания: отказ человека от стремления к удобству в познания. Все наше духовнонаучное исследование показывает, что необходимо, шаг за шагом идти вперед, что нужно иметь склонность к вниканию в частности, к построению целого из этих частных, что для восхождения в сверхчувственное необходимо исходить из самого близкого нам чувственного. В этом самом близком чувственном почти осязать руками сверхчувственное. Ибо кто в состоянии надлежащим образом взглянуть на человеческую голову, тот увидит в ней то, что образовано из всей Вселенной, а в остальном человеческом организме увидит, в свою очередь то, что вырабатывается во Вселенной для того, чтобы снова вернуться из Вселенной в следующей инкарнации. Можно совершенно правильно прийти к сверхчувственному, если только надлежащим образом рассматривать внешнее чувственное. Но необходимо примириться с неудобством и отдать человеку должное, признав за ним по отношению к познанию, по крайней мере то, что признают, например, за часами или за другим совсем обыкновенным предметом. Никто, если он хотя бы немного знает, как совместно действуют части механизма, не станет утверждать, что он может понять часы, не считаясь с тем, как в часах связаны между собой колеса и так далее. О человеке же говорит каждый, не предъявляя подобных требований и при этом каждый думает, что он может говорить и о высшем существе человека и часто основывается на мысли, будто истина должна быть «проста», обвиняя духовную науку в том, что она слишком сложна. Может быть, человеческое желание и стремится к тому, чтобы в пять минут, а может быть и вообще вне времени усвоить себе то, что необходимо для познания высшего существа человека. Но человек — существо сложное, именно в этом и заключается его величие во Вселенной, что он сложное существо и если действительно мы хотим проникнуть в существо человека, то нужно при познании преодолеть стремление к удобству. И в наше время нельзя понять того, что вам нужно, если не стремиться к тому, чтобы, по крайней мере, в предчувствии проникнуть во всю сложность человеческой природы. Ибо развивая только головное знание и не желая всем человеком проработать то, что познала голова, да и не давая голове того, что может быть проработано всем человеком, мы вводим человека в социальный порядок таким образом, что мы не хотим сделать человеческую жизнь отображением сверхчувственной, духовной жизни. Мы страдаем удивительным раздвоением, но оно не таково, как другие раздвоения, о которых я теперь говорил, но это вредное раздвоение, которое мы должны преодолеть.

Человеческая жизнь изменилась в ходе развития. Чтобы установить это, достаточно оглянуться на четыре истекших столетия и даже меньше. Кто знает жизнь не из ходячей истории литературы, а из истории духа, из его действительности, знает, как бесконечно

отличны жизнь и мышление XVIII века от жизни и мышления XIX века. Достаточно нам только несколько оглянуться назад, чтобы увидеть, как за эти четыре века изменилась вся человеческая жизнь. Все человеческое мышление, которое изменилось, таким образом, в XX веке постепенно пришло к выработке все более абстрактных понятий. Все больше стало появляться головных понятий. Если мы возьмем полные жизни понятия людей в XIII и XIV столетиях, если мы бросим взгляд на естествознание этих столетий, окажется огромная разница, по сравнению с абстракцией, с сухой закономерностью современного естествознания. Есть очень известная книга, приписываемая Василию Валентину: в ней есть очень интересные вещи. Недавно один шведский ученый написал книгу «О материи» и цитировал в ней Валентина и вот его суждение о нем: «Пусть понимает его, кто может: понять его нельзя». Мы очень охотно верим, что он ничего не может понять из этой книги Валентина. Ибо если читать Валентина с теми понятиями, которые теперь приносят с собой из физики и химии, его совершенно невозможно понять. Это связано с тем же, с чем, например, связан и тот факт, что старое, доброе, мудрое изречение «Morgenstunde hat Gof and Gold im Munde» с течением времени превратилось в иное изречение: «Morgenstunde hat Gold im Munde». Таким образом добрая европейская «Morgenstunde hat Gof and Gold im Munde» превратилась в американскую «Morgenstunde hat Gold im Munde».

Та древняя эпоха была в смысле описания и понимания природы пронизана тем, что идет из всего человека. Теперь это — головное знание. Вследствие этого оно с одной стороны абстрактно, сухо и не наполняет человека в течение всей его жизни, а с другой — оно все же очень духовно. Мы стоим перед двойственностью, что мы, собственно, создаем в наше время самое духовное: эти абстрактные понятия самое духовное, что можно себе представить. Но они не способны охватить дух. Очень легко усмотреть, к какому раздвоению приходит человек с теми духовными понятиями, которые он себе выработал. Именно в этих духовных понятиях стал он странным образом материалистом. Но если бы понятия были верными, на них никогда бы не возник материализм. Уже самое существование абстрактных понятий есть первое опровержение материализма. В этой двойственности живем мы. Мы невероятно одухотворялись в течение последних четырех столетий и в этом духовном, которые мы владеем только абстрактно, мы снова должны найти живое духовное. Мы поднялись до обладания только предметными понятиями, но мы снова должны придти к имажинации, инспирации, интуиции. Мы отошли от того, что нам было передано в ранней, древней наследственной мудрости в имажинациях, инспирациях и интуициях. Мы должны это снова приобрести после того, как мы так отделились от полного жизни знания всего человека. Это может наполнить человека серьезностью по отношению к духовной науке. И если эти две лекции, которые я вам прочел, являлись скорее вступительными, то моим намерением было показать, как из самого внешнего рассмотрения человека может исходить импульс к работе над тем, что духовно лежит в основе мира. Следуя этим импульсами и идеям, человечество придет к тому, что ему в наше время так не достает: к внутренней правдивости. Невозможно подлинно плодотворно, стремиться к духу, если не стремиться к нему с внутренней правдивостью и мы никогда не ошибемся, если жизненным опытом постигнем познание, что действительная гармония между знанием головы и знанием сердца возможна только в том случае, если мы действительно правдиво поставим себя в жизни. Ибо современные люди именно потому не хотят перевести знания головы в знание сердца, что знание сердца не только требует более продолжительного времени, но и потому, что оно реагирует на знание головы, отталкивает его, если оно неправдиво. Тогда остальная часть человека дает почувствовать себя, как своего рода совесть. Этого боится склонное только к знанию головы современное человечество.

А теперь, в заключение, так как мы таким образом бываем вместе, для вас всегда вопрос должен быть в том, чтобы определить положение нашего духовнонаучного устремления (которое мы характеризуем так, как мы сделали это сегодня и в предыдущий раз) во всем мире — в заключение сделаем несколько замечаний, которые вытекают для вас непосредственно практически.

Духовная наука может процветать только при условии, если серьезно относиться к правдивости в ней, ибо именно в наше время должна она подойти к самым глубоким нуждам человечества: она должна подвергнуться тем мукам совести, которые очень легко могут возникнуть, когда сердце говорит голове — нет. Ибо сердце всегда говорит голове нет, когда ищут недуховного или же когда к знанию стремятся только из эгоизма, вожделения или честолюбия и т. д. Поэтому необходимо было не допустить в ходе развития духовной науки даже самых незначительных компромиссов ни в каком бы то ни было направлении. Духовная наука должна культивироваться положительно из нее самой. Нельзя вступать в компромиссы с половинчатыми, четвертичными или осмущенными правдами: сейчас это слишком серьезный вопрос.

После того, как мы сделали вступление, мы можем привести несколько указаний, которые будут сказаны не в личном смысле, хотя и связаны с личным. Большую часть враждебностей к духовной науке можно понять только, приняв во внимание их возникновение и их становление. Например, там или здесь кто-нибудь самым резким образом выступает против духовной науки. Бывают и другие случаи, чем тот, который я имею в виду, но во многих случаях противодействие духовной науке исходит из подобного тому, что я сейчас приведу, как конкретный случай.

Я был однажды во Франкфурте на Майне, где должен был читать лекцию. Мне телеграфируют, что со мной желает говорить один человек. Я ничего не имел против этого и сказал, что он может со мной говорить тогда-то. Этот человек пришел и сказал: «Я, собственно, уже давно езжу вслед за Вами, чтобы увидеть, не смогу ли я когда-нибудь говорить с Вами».

Я ничего не мог иметь против этого, но я также ничего не имел и за это. Затем этот человек говорил еще о многом. Но к духовной науке необходимо относиться серьезно, а тогда необходимо отклонить многое, что только притворяется и хочет показать себя очень ученым. Нельзя идти на компромиссы с чем попало. Я не был невежлив с этим человеком, но я его отклонил, дав ему понять, что я в дальнейшем не буду с ним встречаться. Это было моим глубочайшим убеждением, что этот человек говорит пустые вещи, но что он при этом хочет внешне опираться на нас. Это действительно бывало в бесчисленных случаях. Все это я говорю не из тщеславия, а с целью охарактеризовать известные явления. Итак, я должен был отклонить этого человека. Он говорил много в высшей степени лестного, но вопрос шел только о том, было что-нибудь истинного в его «также» духовнонаучных устремлениях. Вскоре после этого в Швейцарии появились заявления этого человека, из которых явствовало, что следует говорить о «демоническом», о «дьявольском» в основе Штайнеровской духовной науки. Я мог бы еще рассказать послесловие к этой истории, но не хочу этого делать. Но это один из видов того, как то там, то здесь выступают «противники». Очень часто это бывают люди, которые, собственно, как-нибудь искали примкнуть к нам, но чье искание связи должно было быть отвергнуто на определенных основаниях. Многое приходилось игнорировать для того, чтобы сохранить в чистоте Духовную науку. Это мы должны были взять на себя.

Теперь же я хочу в связи с этим упомянуть о другом. Наш друг Риттельмейер писал недавно в журнале «Христианский мир» об отношении нашей духовной науки к религиозному вопросу и пытался при этом в заслуживающей признания и благодарности форме разбить некоторые другие предубеждения против нашей духовной науки. Хорошо всем известный д-р И. Мюллер почувствовал себя вынужденным написать ряд статей против статьи д-ра Рит-тельмейера в «Христианском мире». В мои намерения, конечно, не входит вникать в то, что написал д-р И. Мюллер, ибо в течении долгого ряда лет существенным моим стремлением всегда было не говорить о д-ре И. Мюллере, ибо я имею основание ограждать духовную науку от дилетантских устремлений и не запутывать в какие бы то ни было компромиссы. И я думаю, что это лучше всего можно достигнуть, если не считаться в речи с тем, что должно действовать — если это только может действовать в силу своей собственной ценности. Никогда не упоминал я о д-ре Мюллере в какой-либо особенной

связи. В наше время мало развито чувство того, что в этой области, собственно, является действительности правдой или неправдой. Если вы просмотрите статьи И. Мюллера, то вы увидите, что они содержат довольно много того, что нужно назвать «объективной неправдой», вызванной либо легкомыслием, либо чем-нибудь другим. Они полны ею. Эти вещи нужно иметь в виду. Мне пришлось однажды характеризовать подобную неправду: неправду Десеуара в моих «Загадках души». И я теперь очень жду, — на то, как я там обличил этого берлинского профессора, должен был бы собственно последовать ответ. Прочтите только вторую статью в моей книге «О загадках души» о том, как действует профессор Дессуар. Конечно, каждый, кто после этой статьи, в настоящее время уже вышедшей в свет, будет писать о книге Десеуара, не считаясь с этой статьей, явится соучастником в его неправде. Но к этим вещам сейчас относятся не так, многие скажут в свое оправдание: «я этого не знал». Как будто тот, кто произносит какое-либо утверждение, не должен сначала как следует познакомиться с вопросом. О таких упреках, будто мои плакаты являются кричащими, я предоставляю судить тем, которые знают плакаты и лекции И. Мюллера. И о том, что мои лекции рассчитаны на особенную человеческую жажду сенсации, об этом я также предоставляю судить другим. Еще не, так давно один очень почтенный пожилой человек, который действительно стремится составить себе добросовестное суждение об этих вещах, сказал мне, что он собственно удивляется, что на мои лекции ходит так много людей, так как я совершенно не стараюсь сделать их легкими. Очень легко можно доказать, что обвинения Мюллера несправедливы. Ибо в городе, где духовная наука еще не пустила корней, на простое объявление обыкновенно приходят на мои лекции немногие, а там, где приходят? многие, это происходит оттого, что в том месте действительно добивались этого и работали. Но я не хочу больше останавливаться ни этом, разве только укажу на последний отрывок из речи И. Мюллера, где он говорит о том, что я говорю о «драме Бога», который Должен быть искуплен человеком и т. п. вещи. И где И. Мюллер полтора столбца наполняет тем, что приводит из моей книги «Христианство как мистический факт» несколько фраз, которые он вырывает из общей связи, как ему только вздумается. Но благодаря тому, что он выпускает предыдущее, все, что он говорит превращается в совершенную бессмыслицу. В моей книге о христианстве говорится о «драме Бога» и об Его зачарованности совершенно противоположное. И. Мюллер показывает этим то, что он не сумел разобраться в моих книгах. В этом я ему определенно верю. Но, не поняв совершенно ничего, И. Мюллер судит об этой книге. Я часто указывал на то, что эта книга видит главный нерв в Мистерии Голгофы, в отличие от всех остальных мистерий. И. Мюллер совершенно не ощущает этого. Итак, я никогда не потребовал бы, чтобы он понимал мою книгу: не думаю также, чтобы он был способен к этому, но он ее критикует. И замечательно Следующее: книга эта была напечатана в 1902 году, так что в 1906 году уже прошло четыре года с ее появления. Было известно, что я именно тогда, в том первом издании изложил мое отношение к естествознанию с одной стороны, к философии — с другой. Книга «Христианство как мистический факт» стала известна. Если она была еще неизвестна И. Мюллеру — это его дело. Но я упоминаю, что в 1906 году она была уже известна и что она так не была связана с моим общим мировоззрением, как например, моя «Философия свободы».

Итак, тот, кто в 1906 году составлял себе мнение обо мне, должен был брать меня с точки зрения всего моего мирозерцания и, в сущности, не мог брать только одну половину его. Итак, это факт, что в — 1906 году уже прошло 4 года с появления «Христианства». В 1906 году мне была прислана книга И. Мюллера «Нагорная проповедь». На ней была надпись «Д-ру Р. Штейнеру в приятное воспоминание о «Философии свободы» Майнберг, 17. VIII. 1906 года.»

Это был один из тех фактов, которым я вынужден был игнорировать, ибо невозможно вступать в компромисс с теми направлениями, о которых я говорил и я считаю это своим правом — молчать, вместо того, что бы сказать: «я так-то и так-то смотрю на эти вещи», когда кто-нибудь подходит ко мне таким образом. Но это-то больше всего раздражает людей

— когда молчишь. Я сказал, что противодействие духовной науке следовало бы искать в реальных обстоятельствах. Часто людям бывает гораздо более неприятно, когда вскрывают эти реальные обстоятельства. Я мог бы рассказать еще более неприятные вещи. Но тот, кто теперь прочтет статьи д-ра И. Мюллера о нашем друге д-ре Риттельмейере, хорошо сделает, если будет искать противодействия не только в этих вещах, но и в подобных обстоятельствах, из которых я привел одно незначительное. Необходимо всюду исследовать, нельзя ли найти гораздо более истинные причины, чем те, которые лежат на поверхности. Это не дает покоя, когда кто-нибудь приходит «с приятным воспоминанием о «Философии свободы», а другой не обращает на это внимание и ничего не отвечает.

Я привел вам этот маленький случай в пояснение психологии И. Мюллера для того, чтобы вы могли видеть яснее, чем мы увидели бы только из его статей.

ЛЕКЦИЯ 3 УМЕРШИЕ ЖИВЫЕ 5. 02. -1918 г

Мои дорогие друзья! Сначала обратимся опять к духам, охраняющим тех, кто стоит на полях событий нашего времени.

Духи ваших душ, действенные стражи, Отнесите на ваших крыльях молящую любовь наших души Доверенным вашей охране людям Земли.

Чтобы соединяясь с вашей силой, Мольба наша сияла бы помощью для душ, Которые она ищет любя.

И пусть Дух, к Которому мы стремимся в течении ряда лет, Благодаря дарованной нам духовной науке, И Который ради свободы человечества и Земли, Рада их преуспевания, в развитии прошел через Мистерию Голгофы — пусть будет с вами и вашими трудными обязанностями.

Дорогие друзья! То, что мы много раз обсуждали, о чем мы здесь часто говорили с самых различных точек зрения, а именно, что смена между бодрствованием и сном имеет в человеческой жизни еще более глубокое значение, чем это кажется внешнему наблюдению, об этом, следовало бы очень помнить при общем рассмотрении мира и при практической, в самом идеальном смысле, установки себя в мире. Обыкновенному наблюдению известен тот кажущийся факт, что человек своим сознанием переживает смену между состоянием бодрствования и состоянием сна. Мы знаем, что это только кажущийся факт. Ибо часто с самых разнообразных точек зрения говорили мы о том, что так называемое состояние сна продолжается не только от засыпания до пробуждения, но что, для известной части нашего существа оно продолжается также и от пробуждения до засыпания. Мы должны сказать: мы никогда не бодрствуем всей полнотой нашего существа. Сон простирается и на наше состояние бодрствования. Мы непрерывно спим одной частью нашего существа. Мы можем спросить себя: какой частью нашего существа мы непрерывно действительно бодрствуем во время так называемого «бодрствования».

Мы бодрствуем в отношении наших восприятий, в отношении всего, что мы между пробуждением и засыпанием воспринимаем из чувственного мира через наши чувства. Это именно и является характерным для обыкновенного восприятия, что мы при пробуждении переходим из состояния несвязанности с чувственным миром в состояние связи с ним, что наши чувства очень быстро вступают в деятельность и это вырывает нас из того смутного состояния, которое мы в обыкновенной жизни знаем, как «состояние сна».

Итак, мы в истинном смысле слова бодрствуем нашими восприятиями чувств, Менее бодрствуем мы, но так что мы это состояние можем обозначить, как действительное «бодрствование» в отношении нашей «жизни представлений». Мы должны отличать жизнь восприятий от подлинной жизни мышления и представлений. Когда мы размышляем, отрешаясь от чувственного восприятия, т. е. когда мы не обращены на внешнее, то при этом размышлении мы уже в обычном смысле и в высшем смысле слова бодрствуем, хотя это бодрствование в чистой жизни представлений все-таки носит оттенок «грез» у одного человека больше, у другого меньше. Хотя у некоторых людей в жизни представлений может

примешиваться нечто от грез, в общем мы все же можем сказать: мы бодрствуем и тогда, когда мы представляем себе.

Но мы не «бодрствуем», когда мы чувствуем. Конечно, чувства поднимаются из неопределенной недифференцированной душевной жизни и благодаря тому, что мы «представляем» себе чувства, что представления, т. е. бодрственная деятельность постоянно примешивается к чувствованию, мы думаем, что мы и в чувствовании бодрствуем. Однако, в действительности подвижность нашей души в чувствовании совершенно та же, что и при обыкновенном сновидении. Есть глубокое сходство между состоянием сновидения и подлинным состоянием чувствования. Если бы мы всегда были в состоянии, то, что мы увидим во сне освещать нашим представлением так же, как мы освещаем нашу жизнь чувств, мы совершенно в такой же мере разбирались бы в нашей жизни сновидений, как мы разбираемся в нашей жизни чувств, ибо подлинные чувства присутствуют в душе совершенно так же, как сновидения. Чувства, аффекты, даже в известном смысле жизнь страстей присутствуют в нашей душе так же, как видения снов. На основании своей бодрственной жизни ни один человек не может сказать, что, собственно, происходит, когда он чувствует, или в том, что он чувствует. Как было сказано, это поднимается из неопределенной, недифференцированной душевной жизни и затем освещается светом представления. Но это есть жизнь сновидений. Это сродство жизни аффектов и чувств с жизнью сновидений хорошо известно и неоккультистам, например, прекрасный эстетик Фридрих Теодор Фишер часто подчеркивал глубокое сродство, существующее в душевной жизни человека между чувствованием и сновидением.

Еще глубже лежит в душевной жизни подлинная жизнь воли. Что знает человек о том, что, собственно, происходит в его внутреннем, когда он говорит: «я хочу взять книгу» и когда рука протягивается и берет книгу? То, что здесь совершается между мускулом и нервом, то, что тогда происходит в организме, а также и то, что происходит в душе для того, чтобы волевой импульс перешел в движение, в действие, об этом человек знает не больше, чем о событиях глубокого сна, лишенного сновидений. Это фактически так: подлинная сущность жизни нашей воли освещается жизнью наших представлений, поэтому она предстает так, как если бы мы ее осознавали: но подлинная сущность жизни нашей воли протекает в действительности также и между пробуждением и засыпанием в совершенном состоянии сна.

Итак, мы видим: мы действительно, в истинном смысле слова «бодрствуем» только в отношении нашего восприятия в чувственном мире и нашей жизни представления. Но мы спим так же и в состоянии бодрствования, в отношении нашей жизни чувств, которую мы, собственно, проводим как во сне, а особенно в отношении нашей жизни воли, которую мы, собственно, непрерывно просыпаем. Так простирается состояние сна в состоянии бодрствования.

Итак, представим себе, как мы проходим сквозь мир: бодрственно переживаем мы нашим сознанием, собственно, только восприятие чувственного мира и мир наших представлений. И в это переживание человека включен мир, в котором плавают наши чувства и волевые импульсы, мир, который нас окружает подобно тому, как нас окружает воздух, но который совершенно не входит в наше обычное сознание. Кто таким образом подходит к вопросу, тот поистине недалек от признания вокруг себя так называемого сверхчувственного мира.

Все только что сказанное мною имеет еще более значительные последствия. За всем этим скрываются значительные факты жизни в ее целом. Кто знает жизнь, которую человеческая душа проводит между смертью и новым рождением, тот увидит, что в этом мире, через который мы проходим во сне, мы живем вместе с так называемыми умершими. Умершие все время здесь. Они пребывают и движутся здесь в сверхчувственном мире. Мы отделены от них не нашей «реальностью», а только состоянием сознания. Мы отделены от умерших так же, как мы во сне отделены от окружающих нас предметов. Мы спим в помещении и не видим стульев и многого другого, находящегося в помещениях несмотря на

то, что оно здесь. В отношении чувства и воли мы в так называемом состоянии бодрствования «спим» среди так называемых умерших — только мы не называем это сном также, как мы не воспринимаем окружающих нас предметов, когда мы спим.

Итак, мы живем нераздельно с миром, в котором господствуют силы умерших. Мы находимся с умершими в общем мире. Для обычного сознания мы отделены от них только состоянием сознания.

Это знание о пребывании вместе с умершими будет одной из самых важных составных частей, которую духовной науке предстоит привить в будущем общему сознанию человечества, общей культуре человечества. Ибо люди, думающие, что все совершающееся происходит только благодаря тому, что действуют силы, которые воспринимаются в чувственном мире, ничего не знают о действительности, не знают, что в протекающую здесь жизнь непрерывно посылают свое воздействие умершим, что они непрерывно здесь. И если вы теперь вспомните, что я говорил в первой лекции, где я указывал, что в наше материалистическое время, в сущности, составилось совершенно неправильное воззрение на историческую жизнь, что мы, собственно, видим во сне или просыпаем историю в ее действительных импульсах, то вы можете также представить себе, что в той исторической жизни, которую мы видим во сне или просыпаем, могут жить силы умерших. В будущем появится такое исследование истории, которое будет считаться с силами людей, прошедших сквозь врата смерти и своими душами живущих в мире между смертью и новым рождением. Общее сознание со всем человечеством, также и с так называемым «умершим» человечеством, должно будет дать совершенно новую окраску культуре человечества.

Тот способ рассмотрения, который открывается духовному исследователю, умеющему «практически применить» только что сказанное, указывает на некоторые конкретные частности относительно этой совместной жизни так называемых живых с так называемыми умершими. Если бы человек мог своим представлением осветить глубины самой сущности своих чувств и своих волевых импульсов, у него было бы непрерывное живое познание бытия умерших. Он им, конечно, не обладает. И обычное сознание не обладает им потому, что вещи странным образом распределяются в жизни нашего сознания. Можно было бы сказать: для «понимания» более высокой мировой связи гораздо важнее, чем наблюдение состояния бодрствования и состояния сна является нечто третье. Что же такое это третье?

Это третье есть то, что лежит между ними, что для современного человека является мгновением, мимо которого он проходит, это — пробуждение и засыпание. Современный человек уделяет мало внимания пробуждению и засыпанию. И все же пробуждение и засыпание чрезвычайно важны для общего сознания человека. Настолько они важны, становится ясно, если пронизанные бессознательностью переживания обычного сознания осветить переживаниями ясновидческого сознания. После того, как мы столько лет готовились к обсуждению подобных вопросов, мы можем совершенно непредвзято осветить подобные вопросы, исходя из сверхчувственных фактов.

Для ясновидящего сознания существует полная возможность не только «в общих чертах» познакомиться с фактами сверхчувственного мира, того мира, в котором мы, например, живем между смертью и новым рождением. Но для ясновидческого сознания существует возможность в отдельных случаях, выражаясь грубо, придти в соприкосновение, в общение с отдельной умершей душой. Это вам известно. Вставить я хочу еще только следующее: труднее это наблюдение только потому, что здесь нужно преодолеть гораздо больше препятствий. Хотя в настоящее время очень многим не удастся достигнуть общих научных результатов в отношении сверхчувственного мира, все же нельзя сказать, чтобы это было чрезвычайно трудно, ибо это не является чем-то таким, что совершенно чуждо обычной человеческой душевной способности. Но труднее бывает в отдельном случае вступить в общение с умершими душами по той простой причине, что реальное конкретное, отдельное общение живой здесь в теле человеческой души с так называемой умершей, развоплощенной душой требует, чтобы тот, кто стремится к подобному общению, кто достигает его, т. е. общения с отдельными умершими душами, чтобы он действительно в

высшей мере умел жить в чисто духовном, не смущаясь тем обстоятельством, что подобная конкретная жизнь очень легко может пробудить «низшие» инстинкты человека по причинам, которые я уже часто приводил: а именно, что высшие способности сверхчувственных существ родственны низшим человеческим инстинктам, а не высшим инстинктам воплощенного в теле существа, точно так же, как низшие инстинкты сверхчувственных существ родственны высшим духовным свойствам людей. Я описываю это, как значительную тайну в общении с сверхчувственным миром, тайну содержание которой может того или иного привести к крушению. Но если этот подводный камень будет обойден, если человек достигнет сверхчувственного общения, не будучи этим отвлечен от мира духовных переживаний, то такое общение будет вполне возможно. Но оно складывается совершенно отлично от того, что здесь в чувственном мире привыкли рассматривать как «общение». Я буду говорить совершенно конкретно: если вы здесь в чувственном мире говорите с человеком, то вы говорите, а другой отвечает вам. Вы знаете, что вы порождаете слова своим голосом, слова вытекают из ваших мыслей. Вы чувствуете, что вы творец своих слов, вы знаете, что вы слышите себя в то время, как вы говорите. И в то время, как другой отвечает вам, вы слышите другого. И вы знаете: потом вы молчите и теперь другого слышите вы. — Люди глубоко сживаются с таким соотношением только потому, что они сознают, что в физическом мире они общаются с другими существами. Но таково общение с развоплощенными душами. Как странно это ни звучит: общение с развоплощенными душами происходит в совершенно обратном порядке. Когда вы сами сообщаете свои мысли развоплощенному человеку, то говорите не вы, а говорит он. Это точно так же, как если бы вы говорили с кем-нибудь и то, о чем вы думаете, что вы хотите сообщить, произносили бы не вы, а другой. И то, что вам отвечает так называемый умерший, приходит к вам не извне, а поднимается из вашего внутреннего. Вы переживаете это, как внутреннюю жизнь. К этому должно сначала привыкнуть ясно-видческое сознание, должно сначала привыкнуть к тому, что ты сам — тот, кто вопрошает в другом, а другой — тот, кто отвечает в тебе. Это совершенное перемещение существа необходимо.

Кто знаком с подобными вещами, знает, что такое перемещение существа нелегко, ибо оно противоречит всему, к чему человек привык, и не только этому, ибо привычки создаются в течение жизни, — оно противоречит даже всему, что прирождено человеку: ведь это прирожденно человеку — думать, что сам говоришь, когда спрашиваешь и что молчит другой, когда отвечаешь. И все же только что сказанное происходит при общении с сверхчувственными мирами. Но это испытываемое ясновидческим сознанием перемещение существа сможет обратить наше внимание на то, что невосприимчивость умерших в значительной части основана на том, что образ их общения с живыми не только непривычен для живых, но и кажется им совершенно невозможным. Живые просто не слышат то что им говорят умершие из глубины своего существа; и от живых ускользывает, когда другой говорит то же самое, что они сами думают о чем они хотят спросить.

Дело обстоит так, что из двух ускользающих для современного человека промежуточных состояний сознания — пробуждения и засыпания — всегда только одно пригодно для вопросов и другое — для ответов. Своеобразие в том, что когда мы засыпаем, этот момент засыпания особенно благоприятен для обращения вопросов к умершему, т. е. для того, чтобы умерший слышал вопросы, которые мы ему ставим. Когда мы засыпаем, мы бываем особенно предрасположены к тому, чтобы слышать от умершего то, о чем мы хотим опросить. Но в обычном сознании мы тотчас же после этого засыпаем и результатом является то, что мы фактически обращаем у умершему сотни вопросов, говорим с умершими при засыпании о сотнях вещей. Но только мы об этом ничего не знаем, так как мы тотчас же засыпаем. Этот момент засыпания — момент огромной важности для нашего общения с умершими. Также и пробуждения: он предрасполагает нас особым образом к тому, чтобы слышать ответы умерших. Если бы мы тотчас не переходили к чувственному восприятию, а умели бы продлить момент пробуждения, мы были бы в этот момент очень пригодны к тому, чтобы слышать вести от умерших. Но только эти вести являлись бы нам так, как будто они

поднимаются из нашего собственного внутреннего мира.

Вы видите, есть две причины для того, почему обычное сознание не обращает внимание на общение с умершими. Одна причина заключается в том, что мы к пробуждению и засыпанию тотчас же присоединяем такое состояние, которому свойственно погашать то, что мы переживаем в эти моменты. Другая же в том, что вещи представляются нам, скажем, непривычными, на самом деле «невозможными», когда мы засыпаем. Сотни вопросов, которые мы можем обратиться к умершим, пропадают в жизни сна, потому что мы совершенно не привыкли «слышать», а не говорить то, о чем мы спрашиваем. А о том, что нам говорит умерший при пробуждении, мы судим не так, как если бы это исходило от умерших. Мы принимаем это за нечто такое, что поднимается из нас самих. Это вторая причина, почему человек не может вжиться в общение с умершими.

Правда, эти общие явления иногда нарушаются следующим образом. То, что человек переживает при засыпании, как постановку «из себя» вопросов умершим, известным образом продолжается во время состояния сна. Продолжая спать, мы бессознательно оглядываемся назад на момент засыпания и благодаря этому факту могут возникать сновидения. Подобные сновидения могут фактически быть передачами ответов, обращаемых нами к умершим. Мы в сновидениях гораздо больше, чем мы предполагаем, приближаемся к умершим, говорим с ними, хотя то, что переживается в сновидениях, было непосредственно высказано уже при засыпании. Но сновидения поднимают это из недифференцированных глубин души. Однако человек легко может неверно истолковать это. Когда он впоследствии вспоминает о своих сновидениях, он, большей частью, принимает их не за то, что они суть. Сновидения — собственно всегда бывают исходящими из жизни наших чувств совместной жизни с умершими. Мы к ним устремлялись и сновидение часто задает нам вопросы, которые мы ставили умершим. Оно дает нам наше субъективное переживание, но так, как если бы оно приходило извне. Умерший говорит с нами, но мы, в сущности, говорим это сами. Это только кажется, что говорит умерший. То, что предстает перед нами в сновидениях — это обыкновенно не вести, идущие от умерших, но сновидение об умерших есть выражение потребности быть с умершими, выражение того, что нам удалось встретиться с умершими в момент засыпания.

Момент пробуждения приносит нам вести от умерших. Этот момент пробуждения угашается последующей чувственной жизнью. Но часто бывает и так, что мы при пробуждении ощущаем нечто, как бы встающее из недр души и о чем — если мы только проведем более точное самонаблюдение, — мы отлично можем знать — это исходит не из нашего обычного «я». Это часто бывают вести от умерших.

Вы уясните себе эти представления, если вы правильно помыслите об одном соотношении, которое теперь выступило перед вашей душой. Вы скажете себе: момент засыпания подходит для того, чтобы ставить вопросы умершим.

Итак, эти моменты разъединены между собой. Вы составите себе правильное суждение об этом в том случае, если вы правильно отнесетесь к временным соотношениям в сверхчувственном мире. Там правильно то, что в удивительной интуиции высказал Рихард Вагнер в словах: «Время становится пространством». В сверхчувственном мире время действительно становится пространством, подобно тому, как одна точка пространства находится там, другая здесь. Так что время не прошло, а только точка пространства находится на большем или меньшем отдалении. Сверхчувственное время становится пространством. И умерший дает ответы, находясь на несколько более далеком расстоянии от нас. Это, конечно, опять-таки непривычно. Но прошедшее не «прошло» в сверхчувственном мире. Оно продолжается, оно остается здесь и по отношению к настоящему дело идет только о том, чтобы в другом месте противопоставить себя прошедшему. Прошлое также не исчезает в сверхчувственном мире, как не исчез тот дом, из которого мы сегодня вечером вышли для того, чтобы придти сюда. Он остался на своем месте и точно так же не исчезает прошлое в сверхчувственном мире. Оно остается здесь. Находитесь ли вы ближе или дальше от умершего — это зависит от вас самих, от того, насколько вы подвинулись в вашем

общении с умершими. Это может быть очень далеким расстоянием и очень близким.

Итак, мы видим: благодаря тому, что мы не только спим и бодрствуем, но также просыпаемся и засыпаем, мы находимся в непрерывном общении, в непрерывном соприкосновении с умершими. Они всегда среди нас и мы действительно действуем не только под влиянием тех, которые живут вокруг нас, как физические люди, но мы действуем также под влиянием тех, которые прошли сквозь врата смерти и которые связаны с нами. Я хотел бы выдвинуть сегодня такие факты, которые с известной точки зрения все глубже и глубже вводят нас в сверхчувственный мир.

Мы можем увидеть разницу между различными душами, прошедшими через врата смерти, если уясним себе, что непрерывно существует такое соприкосновение с умершими. Так как мы, собственно, всегда проходим через область умерших, либо ставя вопросы умершим при засыпании или получая от них ответы при пробуждении, то для нас будет очень важно, как мы связаны с умершими в зависимости от того, прошли ли умершие через врата смерти молодыми или старыми. Лежащие в основе всего этого факты, раскрываются, конечно, только ясновидческому сознанию. Но это относится только к «знанию» об этом, реальное же продолжается непрерывно. Каждый человек связан с умершими, как об этом говорит ясновидческое сознание. Когда сквозь врата смерти проходят более молодые — дети или юноши — то обнаруживается, что между живыми и этими умершими остается известная связь, иная, чем та, когда сквозь врата смерти проходят более старые, на склоне лет. Это огромная разница. Когда мы теряем детей, когда от нас уходят молодые, то они, в сущности, не совсем от нас уходят, а собственно, остаются с нами. Это открывается ясновидческому сознанию в том, что вести, приходящие к нам при пробуждении, именно тогда бывают живыми, когда вопрос идет о детях, о молодых умерших. Тогда между оставшимися в живых и умершими связь бывает такова, что ее можно охарактеризовать следующим образом: ребенка или юношу мы в действительности вовсе не теряем, они, собственно, остаются с нами. И они остаются с нами прежде всего оттого, что чувствуют после смерти большую потребность в том, чтобы действовать на наше пробуждение, посылать вести в наше пробуждение. Это очень странно, но юный умерший имеет очень большое отношение к тому, что связано с пробуждением. Ясновидческому сознанию особенно интересно наблюдать, как благодаря рано умершим людям, люди, остающиеся во внешней физической жизни ощущают некоторую набожность, известную склонность к набожности. Ибо об этом говорят им рано умершие души. В смысле набожности очень сильно воздействуют вести рано умерших душ.

Иначе обстоит дело, когда души умирают в старости, в физической старости. В этом случае мы можем иначе изобразить то, что раскрывается ясновидческому сознанию. Мы можем сказать; они нас не теряют, мы у них остаемся с нашими душами. Заметьте разницу: юных душ не теряем мы, они остаются среди нас. Более старые умершие души не теряют нас, они известным образом берут нечто от наших душ с собой, если можно так выразиться для сравнения. Позднее умершие души больше притягивают нас к себе, в то время, как рано умершие больше тянутся к нам. Поэтому в момент засыпания нам самим нужно многое сказать в позднем возрасте умершим душам, и мы можем завязать связь с духовным миром особенно благодаря тому, что мы сделаем себя способными в момент засыпания обращаться к более старым умершим душам. В этой области человек может действительно многое сделать.

Итак, мы видим, что мы находимся в непрерывной связи с умершими. Мы имеем своего рода «вопросы и ответы»: взаимодействие с умершими. Для того, чтобы сделать себя особенно способными к вопросам, т. е., чтобы до известной степени приблизиться к умершим, надо иметь в виду следующее: обыкновенные абстрактные мысли, т. е. мысли, почерпнутые из материалистической жизни, мало приближают нас к умершим. Умершие даже страдают от наших развлечений в чисто материальной жизни, если они как-либо связаны с нами. Если же мы, напротив, будем удерживать и развивать то, что в области чувства и воли нас приближает к умершим, то мы этим хорошо подготовляемся к тому,

чтобы ставить умершим соответствующие вопросы, хорошо подготовляемся к тому, чтобы установить связь с умершими в момент засыпания. Эта связь существует преимущественно благодаря тому, что данные умершие были с нами связаны при жизни. Связь при жизни обосновывает то, что следует затем для связи после смерти. Есть, конечно, разница, говорю ли я с кем-нибудь равнодушно, или же с участием, говорю ли я с ним так, как один человек говорит с другим, когда он любит этого другого, или же я говорю с ним равнодушно. Большая разница, говорю ли и с кем-нибудь так, как за фэйф-о-клоком, или же так, что меня особенно интересует то, что я могу услышать от другого. Если мы в жизни создаем более интимные отношения от одной души к другой, такие отношения, которые основаны на чувствах и импульсах воли, и если мы после того, как какая-нибудь душа прошла сквозь врата смерти, сумеем сохранить преимущественно такие отношения в области чувств, такой интерес к душе, такое «любопытство» к ответам, которые она даст, или же, если мы, может быть сами испытываем побуждение быть чем-нибудь для нее, если мы умеем жить в подобных воспоминаниях о душе, воспоминаниях, идущих к душе не из содержания жизни представлений, не из отношений одной души к другой, тогда мы бываем особенно пригодны к тому, чтобы в момент засыпания подойти к душе с вопросом.

Напротив, мы становимся особенно пригодными к тому, чтобы получить ответы, вести в момент пробуждения, если мы способны и склонны к тому, чтобы познавательно вникать в существо данного умершего при жизни.

Подумайте только, как мы — в особенности в настоящее время — проходим мимо людей, в действительности не узнавая их ближе. Что, собственно, знают в настоящее время люди друг о друге? Возьмем этот, несколько удивительный пример: существуют браки, длящиеся десятки лет. Причем оба супруга совершенно не знают друг друга. Это бывает. Однако, вполне возможно, что это зависит не от таланта, это зависит от любви, с пониманием вникнуть в существо другого и таким образом (путем) нести в себе действительный мир представлений другого. Это особенно хорошо prepares к тому, чтобы в момент пробуждения получать ответы от самого умершего. Поэтому мы также бываем более предрасположены к тому, чтобы при пробуждении получать ответы от ребенка, от молодого умершего, так как мы молодых узнаем ближе, чем тех, которые ушли более во внутрь себя и состарились.

Таким образом люди могут содействовать правильному установлению отношений между живыми и умершими. В сущности, вся наша жизнь пронизана этими отношениями. Как души, мы погружены в сферу, в которой находятся и умершие. Степень нашей набожности очень сильно связана с воздействием на нас рано умерших и если бы рано умершие не посылали свое воздействие в жизнь, то вероятно, вообще не было бы набожности. Поэтому по отношению к рано умершим душам лучше всего сохранять более общие воспоминания. Торжества в память умерших детьми или в юном возрасте должны были бы всегда иметь в себе нечто обрядовое или более общее. На смерть рано умерших следовало бы иметь особый обряд. Католическая церковь, у которой все рассчитано на юношескую, на детскую жизнь, которая вообще предпочитала бы иметь дело только с детьми, управлять детскими душами, поэтому мало применяет обычай произносить «индивидуальные» речи о детской жизни, окончившейся смертью. Это особенно благотворно. Наша печаль о детях иная, чем наша печаль о пожилых людях. Печаль о детях мне бы больше всего хотелось назвать «печалью сочувствия», ибо печаль, которую мы испытываем об умершем у нас ребенке, является, собственно, большей частью размышлением нашей собственной души о существе ребенка, который остался вблизи нас. Мы переживаем жизнь ребенка и существо ребенка сопереживает печаль. Это печаль сочувствия.

Когда же, напротив, появляется печаль, в особенности, по отношению к умершим в позднем возрасте, то ее нельзя обозначить как «эгоистическую» и она больше всего питается размышлением, что умерший «берет нас с собой», если он умер в более старом возрасте. Он не теряет нас, если мы пытаемся приготовить себя к встрече с ним. Поэтому мы можем

память о поздно умершем оформить более «индивидуально», более в сфере мысли, мы можем продолжать оставаться соединенными с ним в мыслях, которыми мы при жизни общались с ним, если мы постараемся не быть по отношению к нему неприятным собеседниками. Он остается с нами, но странным образом, если у нас такие мысли, которых он вовсе не может воспринять. Мы остаемся с ним, но мы можем стать ему в тягость, если он принужден тащить нас за собой, раз у нас нет таких мыслей, с которыми он может соединиться, которые он может соответствующим образом духовно созерцать.

Подумайте, насколько конкретными являются наши отношения к умершим, раз мы можем действительно духовнонаучно осветить наши отношения к умершим, раз мы действительно в состоянии окинуть взором все отношение живых к умершим. В будущем для человечества будет очень важно окинуть это взором. Как тривиально это ни звучит — потому что можно сказать, что каждое время есть «переходное время»: все же наше время есть переходное время. Наше время должно перейти в более духовное время. Оно должно знать, что приходит из царства умерших, должно знать, что мы также окружены умершими, как мы здесь окружены воздухом. В будущем это просто будет реальным ощущением: если кто-нибудь умер более старым, мы не должны становиться в тягость, но мы становимся ему в тягость, если мы несем в себе мысли, которых он не может принять в себя. Подумайте, как может обогатиться жизнь, если мы это примем в себя. Только таким образом совместная жизнь с умершими станет реальной. Я часто говорил: духовная наука не стремится основать некую религию, не хочет принести в мир сектантство, иначе ее совершенно неверно понимают. Напротив, я часто подчеркивал, что она может углубить религиозную жизнь людей, создавая реальные основы. Конечно: память об умерших, культ умерших имеет свою религиозную сторону. Когда жизнь освещается духовно — научно, то подводится основа под эту сторону религиозной жизни. Вещи перестают быть абстрактными при правильном отношении к ним. Так, например, для жизни не безразлично, совершается ли правильные поминки по молодому умершему или по старому. Ибо тот факт: совершаются ли правильные или неправильные поминки по умершему, т. е. поминки, не исходящие из сознания о том, что такое рано умерший человек и что такое старый умерший этот факт для совместной жизни людей гораздо важнее, чем какое-либо решение совета общин или парламента, как бы странно это не звучало. Ибо действующие в жизни импульсы сами проявятся из человеческих индивидуумов, когда люди станут в правильное отношение к миру умерших. В наше время люди хотели бы все устроить путем абстрактной структуры социального порядка. Люди рады, когда им приходится мало думать о том, что им делать. Многие даже рады, если им мало приходится размышлять над тем, что они должны думать.

Но совсем иное дело» когда обладают живым сознанием, — не с пантеистической, а в конкретной совместной жизни с миром духа. Можно предвидеть, что религиозная жизнь будет пропитана конкретными представлениями, если эта религиозная жизнь будет углублена духовной наукой. В 869 году на восьмом вселенском соборе в Константинополе «дух» был отменен для западного человечества. Тогда было возведено в догмат, что католики не должны считать человека состоящим из тела, души и духа, а только из тела и души, а душе были приписаны также и «духовные» качества. Эта отмена духа имеет огромное значение. Принятое в 869 году в Константинополе решение, о том, что человека не следует понимать как одаренным «духом» и «душой», а только «одной душой рассудочной и разумной», это догмат, о том, что «душа обладает духовными качествами», — с IX века ввергли в сумерки духовную жизнь Запада. Это необходимо преодолеть. Дух должен быть снова признан. Тот, вследствие чего в Средние века считался в высшей мере еретиком, если он признавал троичное деление — на тело, душу и дух — это должно снова считаться правильным, подлинным человеческим воззрением. Это нелегко дается тем, кто в наше время отрицает всякий «авторитет» и клянутся, что человек состоит только из тела и души, тем более, что это люди не просто какого-нибудь определенного религиозного исповедания. Почти всюду вы можете прочесть, что различают только тело и душу, и пропускают дух. Таково «непредвзятое» мирозерцание, происходящее, однако, от того, что некогда в 869

году на вселенском соборе было принято решение непризнавать духа. Но об этом не знают. Философы, ставшие мировыми известностями, так например, Вильгельм Вундт, великий философ по милости своего издателя, — но вес же мировая известность, разумеется, тоже делит человека на тело и душу, потому что он считает это «непредвзятой наукой» и не знает, что он только следует решению Собора 869 года. Необходимо обращать взор на подлинные факты, если мы хотим понять то, что совершается в мире действительности. Если в затронутой нами сегодня области обратить взор на подлинные факты, то человеку раскроется сознание о связи с тем миром, который история проводит во сне и сновидениях. История, историческая жизнь — ее можно будет увидеть в истинном свете только тогда, когда сумеют также развить истинное сознание о связи так называемых живых с так называемыми умершими. Об этом мы поговорим в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ 4 НАШИ УМЕРШИЕ и мысли МИРА 5, 03-1918 г

Дорогие друзья! В одной из наших последних лекций я говорил о том отношении, в котором могут находиться воплощенные здесь в теле человеческие души, к развоплощенным человеческим душам, к так называемым умершим. Мне сегодня хотелось бы к этим размышлениям прибавить еще несколько замечаний.

Из различных сообщений, дошедших до наших душ через науку о духе, мы знаем, что в ходе земного развития человеческий дух прошел через свое развитие. Далее мы знаем, что человек может познать самого себя, только плодотворно поставив вопрос: как относится человек к определенной инкарнации, в данной инкарнации к духовным мирам, к духовным царствам? Какая ступень общего развития всего человечества достигнута тем, что мы сами живем в данной определенной инкарнации?

Мы знаем, как нам показывает более подробное рассмотрение этого общего развития человечества, что в более ранние времена, в более ранние эпохи развития человечества в нем было распространено некоторое ясновидение, которое мы называли «атавистическим», что в более ранние эпохи развития человечества человеческая душа была некоторым образом ближе к духовным мирам. В то время, как она тогда была ближе к духовным мирам, она была дальше от своей собственной свободы, от своей собственной свободной воли, к которой она опять-таки ближе в наше время, когда она, в общем, более отделена от духовных миров. Если действительно познать существо человека в настоящем, то нужно сказать себе: в неосознанном, в подлинно духовном человеке существует, конечно, такое отношение ко всему духовному миру; но в знании, в сознании сам человек в настоящее время не может в общем таким же образом осознать это отношение. Некоторые единичные люди могут это сделать, но в общем человек не может осознать это так, как это было ему возможно в более ранние эпохи. Если мы спросим о причинах, почему в настоящее время человек не может осознать своего отношения к духовному миру, которое, конечно, существует с большей силой, чем когда бы то ни было, только в ином роде, то это происходит оттого, что мы уже перешли середину земного развития, что мы находимся, известным образом, в нисходящем потоке развития земного бытия, что мы в нашей физической организации стали более «физическими», чем это было раньше и что мы таким образом в период между рождением или зачатием и смертью, уже не обладаем организацией, необходимой для того, чтобы вполне осознать нашу связь с духовным миром. Как бы мы ни были материалистичны, мы в настоящее время фактически переживаем в наших подсознательных душевных областях гораздо больше того, чем мы можем в общем осознать.

Но это идет еще дальше. И я здесь подхожу к очень важной точке в современном развитии человечества.

Человек в настоящее время вообще не в состоянии действительно продумать, проощутить и прочувствовать все то, что в нем могло бы быть помыслено, ощущено и почувствовано. Человек в настоящее время предрасположен к гораздо более интенсивным мыслям, к гораздо более интенсивным чувствам и ощущениям, чем те, которые он может

пережить, хотелось бы сказать, благодаря грубой вещественности своего организма. Это имеет известное последствие, а именно то, что мы в данный период развития человечества не в состоянии в нашей земной жизни справиться с полным развитием наших задатков. На это, в сущности, мало влияет то, умираем ли мы в раннем или позднем возрасте. Для рано и поздно умирающих остается в силе то, что современный человек, вследствие грубой вещественности своего организма не может полностью изжить то, что он изжил бы, если бы он был тоньше, интимнее организован в смысле своего тела. И таким образом, рано или поздно ли мы проходим сквозь врата смерти — во время нашей земной организации остается некоторый остаток непроработанных мыслей, непроработанных ощущений и чувств, которых мы действительно не можем проработать по указанной причине. Все мы, до известной степени, умираем так, что оставляем непроработанными мысли, чувства и ощущения. Эти мысли, чувства и ощущения остаются непроработанными и после того, как мы прошли врата смерти, у всех нас, в сущности, еще есть стремление продолжать мыслить в земном, продолжать чувствовать в земном и ощущать.

Рассмотрим, какие это имеет последствия. После смерти мы освобождаемся для того, чтобы только теперь развивать известные мысли, чувства и ощущения. Мы гораздо больше могли бы дать Земле, если бы мы могли полностью изжить эти мысли, чувства и ощущения во время нашей физической жизни. Мы этого не можем, фактически дело обстоит так, что каждый человек, по мере заложенных в нем задатков, мог бы дать Земле гораздо более того, что он дает. Это было иначе в более ранние эпохи развития человечества, когда организмы были тоньше и существовало некоторое сознательное созерцание духовного мира и люди могли действовать из духа. Тогда люди обыкновенно давали все, что они могли дать сообразно со своими задатками. Как бы человек не гордился теперь своими задатками — все же дело обстоит так, как было описано.

Но тем самым мы можем также и для настоящего времени признать необходимость, чтобы для земной жизни не пропадало то, что умершие проносят непроработанным сквозь врата смерти. Это может быть только в том случае, если мы в вышеупомянутом смысле действительно будем развивать связь с умершими по указаниям духовной науки и поддерживать ее, если мы будем стараться сделать сознательной у вполне сознательной связь с теми умершими, с которыми мы кармически связаны. Тогда неизжитые мысли умерших через нашу душу будут проводиться в мир и благодаря этому более могущественные мысли — эти мысли, которые может иметь умерший оттого, что он освобожден от тела, смогут действовать в наших душах. Наших собственных мыслей мы также не можем развивать полностью, но эти мысли могли бы действовать.

Из этого мы видим: то, что нам принес материализм, должно было бы в то же время обратить наше внимание на то, как, собственно, необходимо, безусловно необходимо для нашего времени и для ближайшего будущего искание конкретного действительного отношения к духам умерших. Вопрос только в том: как можем мы соответственным образом ввести в наши души те мысли, ощущения и чувства, которые стремятся из того царства, где находятся умершие.

Но уже и для этого мы указали опорные точки и в последней лекции я говорил здесь о важных моментах, которые человек должен иметь в виду: о моменте засыпания и о моменте пробуждения. Я хочу сегодня еще точнее охарактеризовать некоторые, связанные с этим подробности.

В тот мир, в котором мы живем в нашей обыкновенной бодрственной жизни, который мы воспринимаем извне и в котором мы действуем нашей волей, покоящейся на наших побуждениях, — в этот мир умерший не может входить непосредственно. Он отрешается от этого мира тем, что он прошел врата смерти. И все-таки мы можем иметь общий с умершим мир, если мы, побуждаемые духовной наукой, сделаем попытку, которая в наше материалистическое время является трудной попыткой — наложить некоторую узду на наш внутренний мир мышления, так и на мир нашей жизни и не давать им воли, как мы это обычно делаем. Мы можем развить способности, которые дадут нам общую почву с душами,

прошедшими через врата смерти. Конечно, именно в настоящее время в общей жизни существует необычайно много препятствий к тому, чтобы найти эту общую почву. Первое препятствие это то, которого я еще, может быть, меньше касался. Но то, что об этом следует сказать, вытекает из других, уже приведенных здесь размышлений. Первое препятствие в том, что мы вообще слишком расточительно обращаемся с нашими мыслями в нашей жизни. Все мы в настоящее время расточительны в отношении нашей жизни мысли. Я мог бы также сказать, что мы доходим прямо-таки до мотовства по отношению к жизни наших мыслей. Что под этим подразумевается?

Современный человек живет почти целиком под впечатлением поговорки — «мысли беспопытны». Это значит, что можно, собственно, пропускать через мысли почти все, что хочет проходить через них. Вспомните только, что разговоры суть отображение нашей жизни мысли, и подумайте о какой жизни мысли можно заключить по разговорам большей части людей, когда они так болтают, переходя от одной темы к другой, выпаливая мысли, как они приходят. Это называется расточать ту силу, которая нам дана для мышления. И мы все время производим это расточение, это мотовство в нашей жизни мысли. Мы разрешаем себе любые мысли. То мы хотим чего-либо, что нам только что пришло в голову, то бросаем эту мысль, переходя к другой. Словом мы не склонны к тому, чтобы в известном отношении взять под контроль наши мысли. Как это, например, бывает иногда неприятно: кто-нибудь начинает говорить; слушаешь его одну или две минуты и он уже перешел на совершенно другую тему. Но чувствуешь потребность продолжать говорить о том, о чем начал. Это может быть важно. Тогда бываешь вынужден обратить внимание на то, о чем мы, собственно, начали говорить. Если хотеть действительно внести серьезность в жизнь, то каждую минуту приходится вспоминать о начатом разговоре. Это расточительство силы мысли, это мотовство силы мысли препятствуют тому, чтобы из глубины нашей душевной жизни к нам поднимались те мысли, которые не наши, но которые у нас общие с духовным, с всюду господствующим Духом. Это произвольное перескакивание с одной мысли на другую отнимает у нас возможность ждать в бодрственном состоянии, пока из глубин нашей душевной жизни поднимутся мысли, не дает нам ждать «наитий», если можно так выразиться. А между тем это и есть именно то, что нужно развивать, и в особенности в нашу эпоху, по указанным причинам, так развивать, чтобы действительно создать в душе настроение, состоящее в том, чтобы бодрствуя, уметь ждать, пока к нам как бы из глубоких подо-снов души не поднимутся мысли, которые явственно возвещают о себе, как «данное» нам, а не созданное нами самими. Не следует думать, что выработка подобного настроения может идти быстрым темпом. Это невозможно. Над ним надо поработать.

Но если его развивать, если мы действительно стараемся просто бодрствовать, а не засыпать тотчас после выключения произвольных мыслей, а просто бодрствовать и ждать того, что нам будет дано, тогда постепенно разовьется это настроение. Тогда в нас разовьется возможность дать к нашей душе доступ таким мыслям, которые идут из глубины души и благодаря этому приходят из того мира, который лежит дальше нашей самости. Если мы это действительно разовьем, то заметим, что в мире существует не только то, что мы видим глазами, слышим ушами, воспринимаем внешними чувствами и то, как наш рассудок комбинирует эти восприятия, но заметим, что в мире существует объективная жизнь мысли. Теперь еще очень немногие знают об этом по собственному опыту. Это переживание всеобщей жизни мысли, в которой душа живет, еще не является каким-либо значительным, оккультным переживанием, это есть нечто такое, что может пережить каждый человек, если он разовьет в себе указанное настроение. При таком переживании он может сказать себе: в повседневной жизни я нахожусь в мире, который я воспринимал своими чувствами и который я скомбинировал своим рассудком. Но затем я прихожу в такое состояние, как если бы я, стоя на берегу, погружался в море и плыл в волнующейся воде: тогда я действительно нахожусь как бы в волнующемся море. Тогда мы имеем ощущение жизни — предчувствуем, по крайней мере жизнь, которая сильнее, интенсивнее жизни сновидений, но которая, однако, между собой и внешней чувственной действительностью имеет такую же границу,

как и между сновидением и чувственной действительностью. При желании, о таких переживаниях можно говорить, как о «сновидениях». Но это не сновидения! Ибо мир, в который мы здесь погружаемся, этот мир волнующихся мыслей, который не суть наши мысли, а мысли, в которые мы погрузились, это тот мир, из которого встает наш физически — чувственный мир, встает как бы уплотненным. Наш физически-чувственный мир подобно льдинам в воде: вот вода, льдины отвердевают, плавают в ней. Подобно тому, как лед состоит из вещества воды, будучи только в другом агрегатном состоянии, так из этого подвижного, волнующегося мира мыслей поднимается наш физически-чувственный мир. Таково действительное происхождение, физика говорит только о своем «эфире», о кружащихся атомах, потому что она не знает, каково действительное первичное вещество. Шекспир стоял ближе к этому первичному веществу, когда он вложил в уста одного из своих действующих лиц слова: «Мир действительности соткан из сновидений».

По отношению к этим вопросам люди слишком охотно предаются заблуждениям. Они желали бы за физической действительностью найти грубый мир атомов. Но вообще, если захотеть говорить о таком мире» стоящем «за физической действительностью», то нужно говорить об объективной жизни мыслей, об объективном мире мыслей. Но и к нему можно прийти только, прекратив мотовство, расточительность по отношению к мыслям и разлив то настроение, которое приходит, когда умеют ждать того, что популярно обозначают, как «наитие».

Тем, которые немного занимаются духовной наукой, нетрудно развить замеченное здесь настроение. Ибо тот род мышления, который необходимо развить, когда занимаются антропософски ориентированной духовной наукой, приводит душу к развитию подобного настроения. А когда серьезно занимаются духовной наукой, то приходят к потребности развить в себе такую интимную жизнь мысли. А эту жизнь мысли дает нам та общая сфера, в которой на одной стороне находимся мы, на другой — так называемые умершие. Это та общая почва, на которой «можно встретиться с умершими». В мир, который мы воспринимаем нашими чувствами и комбинируем нашим рассудком, умершие не входят. Но они входят в тот мир, который я только что охарактеризовал.

Второе дело в том, о чем я однажды говорил в прошлом году: в наблюдении тонких, интимных связей жизни. Вы помните: для уяснения того, что я здесь, собственно, имею в виду, я указал на один пример, который можно найти в литературе по психологии. Шуберт тоже указывает на него: он исходит еще из более старой литературы, но подобные примеры всегда можно найти в жизни. Какой-нибудь человек привык ежедневно совершать определенную прогулку. Совершая ее однажды и придя к определенному месту своего пути, он ощущает, что должен остановиться, отойти в сторону и у него является мысль, правильно ли тратить время на эту прогулку. В это время на дорогу падает камень, который откололся от скалы и который, наверно, попал бы в него, если бы его мысли не заставили его отступить на шаг в сторону.

Это грубое переживание, который замечает каждый, с кем нечто подобное случилось в жизни. Но подобные переживания, хотя и более тонкие, ежедневно проникают в нашу обычную жизнь. Мы обычно их не замечаем. Мы в жизни считаемся только с тем, что происходит, но не с тем, что могло бы произойти и не произошло от того, что случилось нечто такое, что нас удержало от этого. Мы считаемся с тем, что произошло из того, что мы дома задержались на четверть часа позже, чем рассчитывали. Часто оказывалось бы много странного, если бы мы задумались над тем, как многое сложилось бы иначе, если бы нас ничего не задержало и мы ушли бы из дома на четверть часа раньше.

Попытайтесь систематически наблюдать в жизни, как многое сложилось бы иначе, если бы в последний момент, когда мы собирались уйти, не пришел кто-то, на кого вы можете быть, очень рассердился и кто задержал вас на несколько минут. В человеческую жизнь непрерывно врывается все то, что по своим возможностям могло бы сложиться иначе. Мы ищем «причинной связи» между тем, что действительно совершается в жизни. Мы не стараемся проходить через жизнь с той чуткостью, которая заключалась бы в допущении

перерыва возможных цепей событий так, чтобы на нашу жизнь непрерывно проливалась атмосфера возможностей.

Если мы это примем во внимание, то делая что-либо в полдень, после того, как нас утром задержали на 10 минут, у нас, собственно, всегда будет чувство: то, что мы делаем в полдень, часто бывает не только под влиянием предыдущих событий, но также и под влиянием того бесчисленного, что не случилось и от чего мы были удержаны. Тем, что мы мыслим возможное — не только внешне — чувственно действительное — в связи с нашей жизнью, мы бываем приведены к «смутному сознанию», что при нашем действительном положении в жизни отыскание связей между последующим и предыдущим есть очень односторонний способ рассмотрения жизни. Если мы действительно поставим перед собой подобный вопрос, то тем самым в нашем духе будет пробуждено нечто такое, что иначе осталось бы не пробужденным. Мы приходим к наблюдению как бы «между строк жизни». Мы приходим к пониманию жизни в ее многозначности. Мы начинаем тогда как бы видеть себя среди окружающего, как оно нас образует, как оно шаг за шагом ведет нас в жизни вперед. Обыкновенно мы обращаем на это слишком мало внимания. Мы, большей частью, обращаем внимание только на то, какие внутренние силы побуждения ведут нас от ступени к ступени. Возьмите какой-нибудь обыкновенный пример, на котором вы можете увидеть, как вы лишь очень отрывочно приводите внешнее в связь, в отношение с вашим внутренним миром.

Попытайтесь обратить ваше внимание на то, как мы привыкли представлять себе наше вставание по утрам. Если вы попробуете уяснить его себе, вы большей частью получите об этом весьма одностороннее представление: представление о том, как вы испытываете побуждение встать, но может быть и это вы представите себе очень туманно. Но попробуйте несколько дней кряду подумать о той мысли, которая вас гонит из постели всякий раз. Попытайтесь совершенно уяснить себе, какая отдельная мысль вас конкретно гонит из постели, т. е. уяснить себе: вчера ты встал оттого, что слышал, как в соседней комнате готовили кофе; это обратило на себя твое внимание, это побудило тебя почувствовать себя вынужденным встать. Сегодня с тобой случилось нечто другое. Я хочу сказать: уясните себе конкретно не то, что вас погнало из постели, а что явилось внешним побуждением. Человек обычно забывает искать себя во внешнем мире, поэтому он так мало находит себя во внешнем мире. Кто хоть немного обратит внимание на подобные вещи, тот может быть легко разовьет то настроение, перед которым в наше время люди испытывают положительно священный, — нет «не священный» трепет, настроение, состоящее в том, чтобы в течение всей жизни иметь, по крайней мере, сопровождающую подсознательную мысль, которой, собственно, не имеют в обыкновенной жизни. Человек, например, входит в какую-нибудь комнату, входит в какое-нибудь место, но он мало думает о том: как изменяется место, когда он входит? Иные люди иногда имеют об этом представление, но даже это представление извне не очень распространено в наше время. Я не знаю, сколько человек ощущают, что когда в каком-нибудь помещении находится общество, то один человек бывает вдвое сильнее другого; один силен, другой слаб. Это есть нечто, зависящее от невесомых обстоятельств. Вы в этом можете легко убедиться: вот человек в обществе, он легко входит, легко выходит и переживает чувство, будто здесь был ангел, который впорхнул и выпорхнул. Иной же так сильно присутствует, что он присутствует не только на своих двух видимых ногах, но, хотелось бы сказать, и на всяких невидимых ногах. Другие обыкновенно очень мало замечают это, хотя это и может быть для них весьма ощутимо, но сам по себе человек этого вовсе не замечает. Человек обычно не ощущает того «сверхтона», который он может ощущать по отношению к изменению в окружающем, вызванному его присутствием. Он остается в себе, не спрашивает у окружающего, какое он вызвал в нем изменение. Но чуткость к восприятию отклика своего бытия в окружающем можно воспитать в себе. И подумайте только, насколько интимнее стала бы внешняя жизнь, если бы это воспитывали более систематически, если бы люди не только населили местность своим присутствием, но чувствовали бы, что это значит, что они находятся в данном месте, что они представляют

себя в нем, что они вызывают изменения своим присутствием в этом месте.

Это только один пример. Такие примеры можно было бы привести для всевозможных положений в жизни. Иными словами, можно совершенно здоровым путем — без больших натяжек — уплотнить жизненную атмосферу так, чтобы почувствовать то место, которое занимаешь в жизни. Благодаря этому мы познаем начало того, что является ощущением кармы, ощущением судьбы, ибо если бы мы вполне ощутили то, что происходит благодаря тем или иным нашим поступкам, благодаря нашему нахождению там или здесь, если бы мы до известной степени постоянно имели перед собой тот образ, который мы вызываем в окружающем нашими действиями, своим бытием, то мы имели бы перед собой явственное чувство своей кармы, ибо карма соткана из этого сопережитого.

Теперь же я хочу указать только на то, как жизнь обогащается включением в нее подобных интимностей, когда мы таким образом наблюдаем между строк жизни, когда мы научаемся так смотреть на жизнь, что мы как бы обращаем наше внимание на то, что мы существуем, если мы существуем «сознательно». Тогда мы подобным сознанием опять-таки развиваем нечто из сферы, общей с умершими. И если мы будем развивать подобное сознание, которое обращено к этим двум, только что охарактеризованным мною столпами: к добросовестному прослеживанию жизни и бережливости, а не к расточительству в мыслях. Если мы будем развивать подобное внутреннее настроение, то мы описанным путем будем с успехом приближаться к умершим, с успехом, необходимым для настоящего и будущего. Если мы затем будем развивать мысли, которые мы свяжем с совместным бытием с умершим — но теперь уже не только в мыслях, а и в чувствах, с совместным бытием полным интереса, если мы будем развивать мысли о жизненных ситуациях с умершим, мысли о том, как мы с ним жили, так что между нами звучал тон чувства, если мы свяжем с ним наши мысли не равнодушно, но с моментами, когда нас интересовало, как он мыслил, жил, действовал и когда его интересовало то, что мы в нем пробуждали, тогда вы можете использовать подобные моменты, чтобы известным образом продолжать беседу в мыслях. И если мы можем отрешиться от этой мысли так, чтобы перейти в своего рода медитацию и эту мысль как бы принести на алтарь внутренней духовной жизни, то наступает момент, когда мы как бы получаем от умершего ответ, когда он может объясниться с нами. Нам достаточно только установить мост от того, что мы развиваем по отношению к умершему, к тому, благодаря чему он со своей стороны может снова найти доступ к нам. А этому доступу будет особенно способствовать наше умение действительно в самой глубине души создать образ существа умершего. Но это совершенно чуждо нашему времени, так как люди часто проходят мимо друг друга, часто бывают соединены в самом интимном жизненном круге и затем расходятся, не узнав друг друга. Знакомство не должно быть основано на взаимном анализе. Кто знает, что живущий с ним анализирует его, тот чувствует себя высеченным, если у него более тонкая душа. Но дело не в том, чтобы анализировать друг друга. Наилучшего познания другого человека можно достигнуть, если созвучно настроить сердце. Для этого вовсе незначает анализировать.

Я исходил из того, что развитие отношения к так называемым умершим особенно необходимо в наше время, так как мы живем в эпоху материализма не по собственному произволу, не просто в силу эволюции человечества. Так как мы не в состоянии прежде, чем пройти через врата смерти развить и выработать все наши задатки мыслей, чувств и ощущений, так как после прохождения через врата смерти у нас еще остается нечто, то поэтому необходимо, чтобы живые поддерживали общение с умершими. Если бы только можно было убедить людей в том, что жизнь неизбежно должна будет оскудеть, если забудут об умерших! А правильную память об умерших могут развивать только те, кто был с ними как-либо кармически связан.

Если мы стремимся к непосредственному общению с умершими, которое принимает такую же форму, как общение с живыми (я также говорил и о том, что все эти вещи обыкновенно потому кажутся особенно трудными, что они не осознаются, но не все, что действительно бывает также и осознанно, и не все, что осознанно бывает поэтому

недействительно), если мы таким образом развиваем общение с умершими, то оно и существует, тогда неразвитые в жизни мысли умерших посылают воздействие в эту жизнь. Конечно, этим высказывается большое требование к нашему времени: но говорить, однако, такие вещи приходится, когда духовные факты убеждают в том, что наша социальная жизнь, наша этическая, наша религиозная жизнь бесконечно обогатилась бы, если бы живые спрашивали «совета» у умерших. В наше время нет склонности ждать, чтобы человек дошел до известного возраста, для того, чтобы спрашивать его совета. Подумайте только о том, что в наше время единственно правильным считают, чтобы человек как можно раньше вступил в исполнение своих гражданских и государственных обязанностей, потому что, по его мнению, он уже в ранней юности «созрел» для всего. В те эпохи, когда обладали лучшим знанием о существе человека, ждали, чтобы люди достигли определенного возраста для участия в том или ином совете. И вот оказывается, что люди должны ждать, пока другие умрут, чтобы спрашивать у них совета. И все, именно наше время, должно было бы прислушиваться к совету умерших. Деятельность людей будет благотворной только в том случае, когда они указанным образом захотят прислушиваться к совету умерших.

Духовная наука требует от человека энергии. Это должно быть понято, должно быть постигнуто. В известном направлении духовная наука требует, чтобы человек действительно стремился к последовательности и ясности. И мы стоим теперь перед необходимостью искать ясности среди наших катастрофических событий, ибо это искание ясности есть самое важное. Снова затронуты здесь вопросы, которые связаны больше, чем думают, с величайшими требованиями нашего времени, Я уже упоминал здесь этой зимой, как за много лет до этой мировой катастрофы я пытался указать в моих циклах лекций о европейских народных душах на многое, что можно найти теперь в общей связи человечества. Если вы возьмете цикл «Миссия отдельных народных душ», который я читал в Христиании, то вы сможете понять, что разыгрывается в современных событиях. Еще не слишком поздно и произойдет много такого, что станет вам понятно из этого цикла, даже еще на будущие годы.

Современные взаимоотношения людей на Земле действительно проницаемы только для того, кто умеет видеть духовные импульсы. И все более и более приближается время, когда станет необходимым, чтобы люди поставили себе вопрос: как, относится, например, ощущение и мышление Востока к мышлению и ощущению Европы, особенно Средней Европы? И как последнее относится к мышлению Запада, к мышлению Америки?

Этот вопрос должен был бы во всевозможных вариантах встать перед человеческой душой. Уже теперь следовало бы спросить себя: как теперь смотрит на Европу человек Востока? Человек Востока, который много смотрит на Европу, получает от нее теперь такое ощущение, что европейская культурная жизнь приводит к тупику, что она уже привела к пропасти. Человек Востока испытывает в наше время такое чувство, что, принимая то, что может ему дать Европа, он не должен утрачивать той спиритуальности, которую он принес с собой из своей древности. Человек Востока не презирает, например, европейских машин, но он говорит себе: «Мы согласны принять созданные европейцами машины и орудия, но мы поставим их в амбары, а не в храмы и не в наши домашние жилища, как это делают европейцы». Человек Востока говорит, что европеец утратил возможность видеть дух в природе, видеть красоту в природе. Обращая свой взор на то, что только он один может видеть, а именно, как в поступках и созерцании европеец хочет остановиться на внешнем механическом, на внешне чувственном (ибо это может видеть только он один), человек Востока думает, что он призван к тому, чтобы вновь пробудить древнюю духовность, спасти древнюю духовность для земного человечества. Человек Востока конкретно говорящий о духовных существах — недавно это сделал Рабиндранат Тагор — человек Востока говорит: «Европейцы ввели в свою культуру те импульсы, которые могут быть введены только благодаря тому, что они в колесницу своей культуры впрягли сатану, для движения вперед они пользуются силой сатаны. «Человек Востока призван к тому — думает Рабиндранат Тагор — чтобы выключить этого сатану и принести Европе спиритуализм.

Это явление, мимо которого в наше время, к сожалению, слишком легко проходят. Мы

много пережили, но мы, например, многое упустили из внимания в нашем развитии такого, что мы внесли бы в него, если б в нашем культурном развитии действительно жила, например, духовная субстанция, как она исходит от Гете. На это могут возразить: человек Востока может в наше время взглянуть на Европу и может знать: в этой европейской жизни жил Гете. Он может это знать. Видит ли он это? Можно сказать: немцы основали, например, Общество, Общество имени Гете. И предположим, что человек Востока пожелал бы с ним познакомиться (великий вопрос о Востоке и Западе уже пришел в движение, в последнем счете он весь зависит от духовных импульсов), хотел бы получить сведения об обществе имени Гете и узнать реальное положение вещей. Тогда он сказал бы себе: Гете оказал такое сильное влияние, что даже в 80-х годах XIX столетия явилась редкая возможность сделать Гете плодотворным для германской культуры, так оказать, благоприятное обстоятельство, состоящее в том, что нашелся человек, вроде Великой герцогини Веймарской Софии, которая в 80-х годах XIX столетия взялась разобрать наследие Гете и притом так разобрать, как это еще никогда не делалось. Но рассмотрим общество имени Гете, как внешнее орудие. Оно также существует. Но вот несколько лет тому назад освобовился пост председателя этого общества Гете. На всем горизонте духовной жизни нашелся только некий бывший министр финансов, которого избрали председателем общества Гете. Это то, что видимо внешне. Эти вещи важнее, чем, собственно, принято думать. Более необходимо, например, чтобы пламенеющий духовностью и понимающий духовность человек Востока получил возможность узнать, что в средневропейской культуре существует антропософски ориентированная духовная наука. Но этого он не может знать. Это не может дойти до него. Ибо это не может проникнуть сквозь то, что существует — конечно, не в одном только явлении, оно только симптоматично, — что существует благодаря тому, что председателем общества имени Гете является бывший министр финансов и т. д. Таких примеров без конца.

Это, хотелось бы сказать, является третьим требованием: все проникающее, связанное с действительностью мышление, мышление, не останавливающееся на неясности, на неясных компромиссах с жизнью. Во время моего последнего путешествия, один человек обратил мое внимание на один уже раньше хорошо известный мне факт. Я вам приведу только краткое извлечение из статьи.

«Кто когда-либо сидел на гимназической скамье, не забудет тех часов, когда он «наслаждался» у Платона чтением разговоров между Сократом и его друзьями, не забудет вследствие баснословной скуки, идущей от этих разговоров. И он, может быть» вспомнит, что он находил разговоры Сократа собственно очень глупыми. Но, конечно, он не смел высказать подобное мнение, ибо все-таки человек, о котором шла речь, был, ведь, Сократ, «греческий философ». Этой, совершенно неоправданной, чрезмерно высокой переоценке доброго, афинянина, кладет конец книга Александра Мошковского — «Сократ» — идиот». Разносторонний историк Мошковский намеревается в маленькой, интересно написанной книге не более и не менее как совершенно развенчать Сократа, как философа. Название «Сократ — идиот» — понимается буквально. Мы не ошибемся, предположив, что к книге будет присоединен научный разбор мнений».

Первое ощущение, к которому приходит человек, познакомившись с чем-либо подобным выразится в словах: как странно, что явился какой-то Александр Мошковский и берется доказать, что Сократ был идиотом. Это первое, что люди ощущают. Но зато есть ощущение компромисса, проистекающее не из ясного всепроникающего мышления, не из противостояния истинной действительности.

С этим я хотел бы сравнить еще нечто иное. Есть теперь книги написанные о жизни Иисуса с психиатрической: точки зрения. С точки зрения современной психиатрии, в них исследует все то, что совершил Иисус и сравнивается со всевозможными болезненными поступками и затем современный психиатр доказывает из Евангелий, что Иисус должен был бы быть болезненным человеком, эпилептиком, что все Евангелие следует вообще понимать только с точки зрения Павла и т. д. Существуют подробные исследования по этому вопросу.

Очень просто с легкостью пройти мимо всех этих вопросов. Но все это лежит

несколько глубже. Станьте целиком на точку зрения современной психиатрии: признайте эту точку зрения современной психиатрии, как она признается официально, тогда, если вы задумаетесь над жизнью Иисуса, вы должны будете придти к такому же результату, как и автор этих книг. Вы не можете иначе мыслить, ибо иначе вы были бы неправдивы, иначе вы не были бы в истинном смысле слова современным психиатром. И вы не являетесь в истинном смысле современным психиатром в духе взглядов Александра Мошковского, если не думаете, что Сократ был идиотом. И Мошковский отличается от тех, кто также являемся приверженцами этих теорий, но не считает Сократа идиотом, только тем, что последние неправдивы, а он правдив. Он не вдет на компромисс, ибо нет возможности быть правдивым, стоять на точке зрения Александра Мошковского — и не считать Сократа идиотом. Если хотят и того и другого, если хотят одновременно быть приверженцем современного естественнонаучного мировоззрения, и все-таки признавать Сократа, не считая его идиотом, нужно быть неправдивым. Точно также нужно быть неправдивым, чтобы будучи современным психиатром, признавать жизнь Иисуса. Но современный человек не хочет доходить до этой ясной точки зрения, ибо тогда он должен был бы поставить вопрос совершенно иначе. Тогда он должен был бы сказать себе: допустим, я не считаю Сократа идиотом, я лучше ознакомлюсь с ним, но это также требует от меня отклонения мировоззрения, подобного мировоззрению Мошковского. И я вижу в Иисусе величайшего носителя идей, который когда-либо приходил в соприкосновение с Землей. Это требует, чтобы я отклонил современную психиатрию, чтобы я не признавал ее.

В этом вся суть: в соответствующем действительности, ясном мышлении, не идущем на обычные гнилые компромиссы, которые существуют в жизни, но которые могут быть удалены из жизни только при условии действительного познания их. Легко представить себе или легко возмутиться, признавая доказательства Мошковского, что по его мнению Сократ — идиот. Но правильно, что если делать выводы из современного мировоззрения, оно со своей точки зрения видит в Сократе идиота. Однако люди не хотят делать подобных выводов, не хотят отклонить современное мировоззрение, ибо иначе они могли бы попасть в еще более неприятное положение: тогда нужно было бы идти на компромиссы и, может быть, уяснить себе, что Сократ не был идиотом. Но если тогда, может быть, натолкнулись бы на то, что Мошковский — идиот? Он, разумеется, не Бог вещь какой могущественный человек, но если бы это были бы более могущественные люди, то могло бы приключиться многое гораздо худшее. Да, для того, чтобы проникнуть в духовный мир, необходимо соответствующее действительности мышление. С другой стороны для этого нужно ясно представить себе, как обстоит дело. Мысли суть действительности и ложные мысли суть злые препятствия, разрушающие действительности. Не к чему закрывать глаза на собственную неправдивость, выражающуюся в том, что мы наряду с мировоззрением Мошковского хотели бы признавать мировоззрение Сократа. Ибо это ложная мысль, когда мы в своей душе устанавливаем рядом и то и другое, как это делает современный человек. Правдивыми мы становимся только тогда, когда мы уясняем себе, что, либо нужно стать на точку зрения чистого естественно — научного механизма, подобно Мошковскому и признавать тогда Сократа идиотом: тогда, мы будем правдивы, либо мы знаем из другого источника, что Сократ не был идиотом, тогда необходимо уяснить себе, как сильно следует отклонить другое мировоззрение. Быть правдивым — вот идеал, который должна поставить перед собой душа современного человека. Ибо мысли суть действительности. А правдивые мысли суть целебные действительности, А ложные мысли, как бы они не были прикрыты покровом снисходительности по отношению к собственному существу, ложные мысли, сложившиеся внутри человека суть действительности, ведущие мир и человечество назад.

ЛЕКЦИЯ 5 СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ДУХОВНЫМ МИРОМ 12. 03-1918 г

Дорогие друзья! Мы пытались в связи с вопросом о человеческих душах, которые уже прошли врата смерти, найти отношения, существующие между миром, в котором человек

живет между рождением и смертью и тем миром, в котором он живет между смертью и новым рождением. Попробуем рассмотреть эти отношения с самых различных точек зрения.

Если с течением времени человечество через познание подойдет к духовному миру, и что оно принуждено будет сделать, чтобы в ближайшее время выполнить свое человеческое назначение — оно убедится в том, что правильное исчерпывающее познание мира и его отношения к людям далеко, далеко превосходит то, что может быть исследовано с помощью физически-чувственной науки и связанного с этой наукой рассудка. Человек знает в известном смысле лишь очень небольшую часть действительного мира (я имею в виду: действенного мира, в котором он сам действенно стоит), когда он опирается только на то, что воспринимается чувствами и что может быть установлено связанным с чувствами рассудком. В течение лекций я указывал на то, как человек может, как бы утончить свое наблюдение, как он может распространить на многое, существующее в жизни, но, в сущности, не замечаемое в жизни, что мы обращаем внимание только на то, что совершается во время бодрственной жизни человека между утром и вечером и не обращаем внимания на то, что могло бы произойти и что не происходит оттого, что мы бываем от этого в известном смысле удержаны. Для того, чтобы дать вам предварительные понятия об этих вещах, которые нужно сначала больше «почувствовать», чем помыслить о них, я указал на то, что достаточно подумать, как, например, можно задержаться перед уходом, к которому мы готовились в какой-нибудь час дня, благодаря тому, что кто-нибудь пришел к нам в гости: человек может быть собирався выйти в 11 часов утра, но мог выйти лишь на полчаса позже. Представьте себе, как возможно, конечно, только возможно, что день прошел бы совершенно иначе, если бы мы вышли в назначенный час, как в эти полчаса, на которые мы опоздали, могло бы случиться что-нибудь другое, чего мы теперь вообще избежали и что с нами не случилось. Подумайте, сколько таких и подобных событий происходит с человеком в течение дня, и вы получите представление обо всем, что только могло бы случиться. Чувством можно будет сравнить это представление с тем, что могло бы случиться, с тем, что затем действительно фактически произошло — по связи между причиной и действием — от утра до вечера.

Для того, чтобы составить себе ясное представление об этих вещах, хорошо будет сравнить их с подобными же вещами в природе во вне, ибо в природе известным образом совершаются вещи, которые следует рассматривать подобно этим. Я часто указывал, что следовало бы обратить внимание на то, как, например, в природе постоянно в большом количестве пропадают силы размножения. Подумайте только о том, сколько из огромного количества икры сельдей в течение года превращается в действительных сельдей и сколько из нее пропадает. Распространите это представление на всю жизнь. Попробуйте представить себе, сколько из одаренных возможностей жизни зародышей в кругообороте мира не достигают известного развития, сколько задерживается в кругообороте мира из того, что не может постигнуть развития, что отсутствует во вполне развитой, быющей ключом жизни. Но не следует думать, что и это не принадлежит к действительности. Это также принадлежит действительности, как и то, что достигает должного развития, оно только не достигает известной точки, а берет иное направление, — точно так же, как наши собственные явления жизни принимают иное направление, когда нас что-либо задерживает. Только в одном случае задерживаются процессы жизни, в другом — процессы природы, которые будучи задержаны, продолжают затем иным образом. Подобные вещи можно рассматривать еще гораздо дальше.

Спросите себя, не очень ли похоже на эти два примера другое обстоятельство, которое в виде вопроса и загадки сильно врзаются в человеческую жизнь. Мы знаем, что нормальная продолжительность человеческой жизни 70 — 90 лет. Но мы также знаем, что большая часть людей умирает гораздо раньше и мы видим из этого, что законченность жизни не достигается. Подобно тому, как в природе на известной ступени задерживаются зародыши семян и не достигают полного созревания, так не достигают полного созревания и явления

человеческой жизни. И опять-таки мы видим, как не достигают полного созревания наши повседневные поступки по только что указанным причинам. Все это может обратить наше внимание на то, что как бы «между строк жизни» заключено много такого, чего люди не замечают и что вместо того, чтобы перейти в те царства, где еще может сделаться чувственно видимым, задерживается в духовных областях.

Если вы посмотрите на это не только, как на фантазию, но действительно плодотворно обдумаете, вы найдете переход, если не к полновесному доказательству, то все же к представлению о чем-то очень значительном. При обычном нашем способе действия в жизни события происходят таким образом, что мы для обыкновенных жизненных поступков взвешиваем наши действия, наши волевые импульсы. Мы взвешиваем, что нам делать и затем выполняем то, что решили. Но жизнь протекает не только таким образом, что мы задумываем поступки и затем выполняем их, но она протекает так, что в жизнь входит нечто, что нам представляется, как сумма случайностей, что нам кажется беспорядочным, как бы случайно связанным и что мы обозначаем словом «Наша судьба». Для материалистически мыслящего человека судьба есть то, что соединяется из событий, которые, как он говорит — с ним происходят изо дня в день. Конечно, многие предчувствуют, что в этой судьбе есть известный «план». Но от мысли о таком плане судьбы до действительного прозрения того, что здесь происходит, дело обыкновенно не доходит, ибо в жизни не считают значительным то, что я сейчас имею в виду. В настоящее время так называемая психология, «психоанализ» пришла ко многому, что в настоящее время стучится в двери человечества. Только представители этой аналитической психологии подходят к вещам с непригодными средствами познания. Я часто в кругу наших друзей указывал на один парадоксальный пример, постоянно приводимый теперь психоаналитиками, потому что он у исходной точки психоанализа натолкнул людей на то, что в жизни существует нечто «духовное», о чем, обыкновенно люди не составляют себе никакого представления. Проведем еще раз перед душой этот парадоксальный случай, хотя некоторые из вас уже его знают.

Одну даму приглашают на вечер и она участвует в этом вечере, который устраивается по поводу отъезда в этот вечер хозяйки дома, где происходит собрание. Она уезжает на воды, так как она больна. Вечер проходит безукоризненно. Хозяйка дома уже уехала, гости поднимаются одновременно с ней, уходят. Одна группа гостей находится уже на улице и в то время как они идут, из-за угла появляется экипаж. Я определенно говорю: экипаж, а не автомобиль. Экипаж этот несется по улице. Одна из дам отделяется от остального общества. В то время, как остальные гости, идущие вместе с ней, отходят в сторону, чтобы пропустить экипаж, у нее является мысль бежать впереди лошадей: она продолжает бежать по улице впереди лошадей, лошади позади, и она все время перед ними, пока у нее не появляется мысль, что она должна что-нибудь сделать, чтобы спастись из этого положения. Пробежав впереди лошадей, она достигает моста через реку и думает про себя: если теперь броситься в воду, она будет в безопасности от лошадей. Но остальные гости, идущие вместе с ней, как вы представляете себе, побежали ей вслед и остановили ее в последнюю минуту. И в результате получилось: ее приводят обратно в дом, который она только что оставила и она находит там приют. Итак, хозяйка дома уехала; ее там принимают и она имеет возможность продолжать с хозяином дома связь, которая однажды завязалась у нее с ним во время одного совместного пребывания.

Психоаналитик ищет «скрытых уголков души». Он находит, что эта дама однажды, будучи ребенком, имела какие-то переживания с лошадьми, что эти переживания теперь поднимаются из подсознательного и т. д., (что совершенно не отрицается), все же они являются только подготовителями того, в чем заключается главная суть» а не самой этой сутью. Суть же эта состоит в том, что человек, в данном случае упомянутая дама, обладает подсознательным сознанием, которое подчас бывает гораздо хитрее и утонченнее, чем верхнее сознание. В своем верхнем сознании эта дама, как большинство из вас думает, повела себя довольно «нескладно», но в подсознании жило «нечто», мыслившее гораздо лукавее, чем то, что мыслило в верхнем сознании. В подсознании это нечто мыслило:

«сегодня хозяйка дома уехала, я должна как-нибудь постараться встретиться с ее мужем, нужно что-нибудь придумать, нужно воспользоваться для этого ближайшей возможностью». Подсознание является даже несколько пророческим, оно предчувствует, что случится, если бежать впереди лошадей. Все это может быть самым утонченным образом устроено подсознанием. Верхнее сознание не так хитро: подсознание же обладает этой хитростью, которая еще более усиливается присоединением этого пророческого дара. Я упоминаю этот пример потому, что он частный случай очень распространенного явления. Каждый человек несет в себе нечто гораздо более всеобъемлющее, гораздо более интенсивное в самых различных направлениях, чем его обычное сознание. Да, если бы человек «знал» все то, что он действительно знает в своем подсознании: он был бы страшно умен и к тому же утончен и мог бы невероятно много придумать.

Можно спросить: совершенно ли бездейтельно то, что живет в подсознании человека. Для того, кто умеет духовно наблюдать мир, оно не бездейтельно. То, что у этой дамы однажды проявилось совершенно особым образом, а в подобных случаях события проявляются только ненормальным образом под влиянием совершенно особых явлений, вожделений и наклонностей, — это всегда существует у человека в совершенно определенной области, это сопровождает его в течение всей его бодрственной жизни. Как же это происходит?

Тот факт, что у этой дамы (это могло случиться и с мужчиной), это однажды проявилось таким образом, происходит от того, что это подсознательное знание, которое человек имеет в жизни, иногда выступает наружу. Это бывает и с обыкновенным сознанием, что делаешь иногда что-либо необычное, что, собственно, выпадает из обыкновенных жизненных привычек, что является в жизни исключительным случаем. Так оно бывает и с этим подсознанием. Но здесь, в этом случае только выявилось нечто особенное, что всегда действенно в человеке. Как действенно? То, что мы зовем судьбой, есть очень сложная вещь. Кажется, что наша судьба подходит к нам так, что ее события с нами «случаются». Возьмем яркий случай судьбы, случай, известный многим.

Предположим, что один человек знакомится с другим, который затем в жизни становится его другом или его мужем или женой, и т. д. Обычное верхнее сознание истолковывает это так, что это с нами «случалось», что мы сами ничего не сделали для того, чтобы данный человек вступил в сферу нашей жизни. Но на самом деле это не так. На самом деле это обстоит иначе.

С того момента, как мы через рождение вступаем в бытие, а еще более, когда, мы начинаем говорить себе «я», мы, с помощью той силы, которая покоится в подсознании, таким образом кладем начало нашего жизненного пути, что он, в определенный момент, перекрещивается с путем другого человека. Люди только не подмечают, какие странности обнаружались бы, если бы они проследили какой-нибудь определенный жизненный путь, например, человека, который в определенный момент становится женихом. Если бы проследили его жизнь, как она развивалась в детстве и юности, от одной местности до другой, пока человек пришел к тому, что стал женихом, то нашли бы в ходе его жизни много глубоко осмысленного. Тогда увидели бы, что этот человек вовсе не так просто и не случайно пришел к этому, но что он очень осмысленно шел туда, где нашел этого другого человека.

Вся жизнь пронизана таким исканием. Вся судьба есть такое искание. Правда, мы должны представить себе, что это искание протекает не так, как поступки, совершаемые обдуманно. Эти последние происходят по прямой линии: поступки же в подсознании проистекают о большой силой и более лично. Но тогда они протекают осмысленно в подсознании человека. Неправильно даже говорить о «бессознательном», следовало бы сказать: сверхсознательное или подсознательное, ибо «бессознательно» оно только для обычного сознания. У той дамы, которая так утонченно устроила свои дела, чтобы снова попасть в дом того человека, подсознательное само по себе гораздо сознательнее, чем сама дама в своем верхнем сознании.

И это относится также и к тому, что нами руководит в жизни, так что наша судьба — очень определенная ткань, которая руководит нами и она очень, очень, сознательна. Этому несколько не противоречит то, что человек так часто бывает не согласен со своей судьбой. Если бы он мог обозреть все сферы, он увидел бы, что он может быть с ней согласен. Именно потому, что верхнее сознание не так прозорливо, как подсознание, оно неправильно судит о фактах последнего, и говорит себе: со мной приключилось нечто несимпатичное, в то время, как в действительности человек из глубокой продуманности искал того, что в верхнем сознании он находит «несимпатичным». Познание более глубоких соотношений привело бы к тому, что некто более умный ищет того, что затем становится судьбой. На чем все это основано? Это основано на том, что наше обыкновенное головное сознание, которым многие так гордятся, есть, так сказать, решето. Это — сравнение, но верное сравнение, указывающее на действительность. Наше головное сознание — решето. Если в решето налить воды, она протечет, она не наполнит решета. Эти вещи, которые мыслятся и обдумываются и затем выражаются в ткани судьбы, проходят сквозь наше головное сознание, как сквозь решето. В этом причина того, почему мы ничего об этом не знаем в верхнем сознании. Головное сознание пропускает их сквозь себя, как сквозь решето, но подсознание человека не пропускает их сквозь себя. Только потому, что они в верхнем сознании проходят как сквозь решето, человек ничего не «знает» о них, но все же они задерживаются в человеке.

Когда впоследствии действительно разумно будут заниматься естествознанием, люди спросят себя: как представляются подобные явления у животного, и как у человека? У животного эти переживания таковы, что они целиком проходят сквозь животное. Здесь все животное является решетом. У человека они задерживаются, правда, не головой, но всем человеком. Только потому, что в обыкновенной жизни мыслит только голова, а не весь человек, при обыкновенных условиях человек не включает их в свое мышление. Только, например, при истории, заключающейся в том, что начинает мыслить и другая часть человека (что наступает при болезненных условиях, вообще же не должно было бы наступать), бывают также исключения, когда в мышление включается то, что обыкновенно протекает в порядке судьбы, и когда у человека, как можно было бы сказать, который «кует свою судьбу», как та дама, которая создала свою судьбу. Итак, человек все же задерживает это в себе, и тогда обнаруживается нечто весьма замечательное. Почему животное пропускает это сквозь себя, почему это задерживается у человека?

Это происходит потому, что у животного нет рук у т. е. его конечности всегда бывают связаны с Землей, что они суть ноги или крылья, и это несколько меняет дело. Но тот факт, что человек преобразил те конечности, которые у животного являются, как ноги, способствует тому, что его руки и кисти рук таким образом включены в его организм, что он задерживает в себе свои мысли в своей судьбе. Только нельзя думать руками, ими только можно задерживать судьбу, поэтому человек не видит своей судьбы. Руки точно так же являются «органами мысли», как и эфирная часть головы. Эфирная часть головы продельывает при мышлении нечто совершенно подобное тому, что человек делает в жизни своими руками: человек руками задерживает поток поступков, проходящий через его судьбу. У человека устроено так, что проявляется только его более грубые рассудочные действия рук и кистей рук. Каждый человек знает, что его руки, особенно кончики пальцев обладают особым осязанием. Но это осязание представляет собой в этом отношении самое грубое чувство, ибо здесь имеется в виду нечто весьма тонкое: то, что люди развивают и проявляют, при художественной деятельности, есть очень слабое, едва теплящееся мышление. Но руки, собственно, таким образом включены в поющий организм человека, что они являются органом мышления для судьбы. В современном цикле развития человек еще не учится мыслить руками. Если бы он этому научился, если бы он познал тайну рук, это было бы в то же время введением в познание основных связей судьбы.

Это звучит очень странно, но это так. Мы имеем здесь один из пунктов, где духовная наука с одной стороны говорит: в руках, которые развивают подсознательное мышление, мыслятся судьба. Естествознание теперь еще с этим не считается. Конечно, если только

совсем грубо рассмотреть человеческую организацию, приходится сказать: человек есть более совершенное животное. Так оно и есть. Но в том, что при этом упускают из виду, именно и заключается существенное отличие человека от животного. Подумайте только, как устроена голова у животного. У животного голова покоится непосредственно над землей. У человека голова покоится так, что то, что у животного несет земля, человек несет сам. Линия центра тяжести головы, прежде, чем дойти до земли, попадает в человеческий организм, если можно так грубо выразиться: она проходит через грудобрюшную преграду. Человек стоит по отношению к самому себе так, как животное к земле. Если мы возьмем линию центра тяжести головы у животного, то она падает прямо на землю, не проходя сквозь грудобрюшную преграду и сквозь организм. В ориентировке организма по отношению ко всему Космосу заключается самое существенное человека и с этой ориентировкой связано то, что его руки и кисти рук организованы иначе, чем соответственные конечности у животного. Здесь, с одной стороны в будущем будет работать естествознание. Оно спросит: как относится у человека его динамические, его силовые отношения ко всей Вселенной? Тот факт, что человек создан из космоса не с четырьмя ногами, а с двумя руками, — это организуется у него из Космоса. И он идет навстречу этому тем, что он так организуется из Космоса, что линия центра тяжести его головы падает в него самого и он сам становится своей землей. Организуя особым образом свои кисти и руки, он тем самым живет навстречу тому, что его руки с своей стороны могут охватить судьбу, точно так же, как организация человеческой головы тоже связана с его вертикальным положением. Человек обладает более совершенным мозгом, благодаря тому, что линия центра тяжести его головы проходит сквозь него, а не падает прямо на Землю. Во Вселенной всюду есть силы и если что-либо ориентировано иначе, то масса бывает иначе распределена. Это допускают по отношению к неорганической природе, но в человеке этого теперь еще не могут увидеть. Из-за этого не могут разобраться в том, что материальное в человеке работает навстречу духовному, как в нем всюду духовное пронизывает материальное.

Это одна сторона. Мы можем сказать: мы обращаем внимание человека на то, как он покоится на своей собственной грудобрюшной преграде и если мы мыслим подсознанием вплоть до грудобрюшной преграды, то мы пребываем в разуме судьбы, как мы обыкновенно пребываем лишь в разуме продуманных поступков. Но человек стоит в жизни еще иначе, ибо мы видели, что если мы односторонне рассмотрим не только его голову, но и весь остальной его организм, то оказывается, что он, раздумывал, но подсознательно раздумывал, определяет свою судьбу, знает свою судьбу.

Но в жизни человека есть нечто иное. Мы совершаем поступки, эти поступки приносят нам в жизни известное удовлетворение или неудовлетворение. Подумайте только об этом: вы кому-нибудь сделали добро, это принесло вам удовлетворение; или вам пришлось что-нибудь сделать для отклонения какого-нибудь события и это было связано с неудовлетворением и т. д. Итак, бывают различные поступки, которые человек совершает в жизни. Да, мы не только совершаем наши поступки и ощущаем по поводу их сознательное удовлетворение или неудовлетворение. Это мы можем лучше всего увидеть, если мы духовнонаучно исследуем поступки, которые меньше вторгаются в жизнь. Когда мы, например, рубим дрова, то это уже есть поступок, хотя он и не имел морального значения. Рубя дрова, мы совершаем поступок, он вызывает в нас утомление. По поводу утомления люди думают различно. Вы знаете из последней публичной лекции (Природа и ее загадки в свете духовного исследования 7. 03-1918 года), что люди представляют себе, что они засыпают от утомления, что причиной засыпания является утомление. Об утомлении каждый знает, что оно наступает, как сопутствующее явление при таких действиях, как например, рубка дров. Но это утомление имеет очень глубокое значение, если его исследовать духовнонаучно. Утомление есть, собственно, не то совсем, чем оно нам является. Мы его переживаем как то, что мы называем «утомлением», но оно есть нечто совершенно иное. Вы также можете легко представить себе, что утомление, появляющееся при таких действиях (поступки, более проникающие в моральную или интеллектуальную жизнь лишь более

утончены в этом отношении, в них утомление не всегда бывает так заметно, как тогда, когда мы рассматриваем более элементарные действия, как например, рубку дров, что это утомление есть явление, носящее двойственный характер. Сначала мы применяем бьющие ключом силы жизни, связанные с нашим ростом, но затем эти силы оказываются истраченными и в нашем организме происходит процесс разрушения. Этот процесс разрушения переживается, как «утомление», но на самом деле это утомление есть оглушение, более глубокое значение которого мы переживаем в действительности, как нечто совершенно иное, как следствие — в данном случае — рубка дров. Для обычной жизни утомление есть только оглушение. Что же переживается в действительности?

Конечно, на это можно ответить только из действительного духовнонаучного исследования. Когда мы утомляемся после рубки дров, то в тех областях, которые мы знаем, как области духовного организма человека и которое также называют цветами лотоса (подробности об этом вы найдете в книге «Как достигнуть познания высших миров?»), показывается некоторое излучение, настоящее излучение из одного из цветов лотоса. Это — некоторый положительный результат: он не доходит до сознания человека. Этот духовный результат не осознается им. До его сознания доходит только то, что его оглушает для того, чтобы он не воспринял в себе этого духовного результата. Ибо то, что собственно излучается, есть действительно нечто духовное. И это становится еще более понятно, когда, чтобы увидеть духовность этих излучений, рассматривают, скажем, подлежащий моральному суждению поступок. Предположим, что мы не дрова рубили, но сделали нечто такое, что подлежит моральному суждению. Правда, что обыкновенно подобное суждение имеется в виду только для тесно ограниченного круга жизни, но оно имеет еще и другое значение. Все, что делает человек, имеет ценность во всем ходе развития человечества. Также и отдельный поступок имеет значением в общем ходе развития человечества. Это суждение насколько поступок ценен в этом ходе развития — человек так же мало постигает своим обыкновенным сознанием, как головой — действия судьбы. Но он не дает этой оценке пройти сквозь свое существо, как сквозь решето, а подобно излучению как бы сквозь цветы лотоса оно излучается наружу. Человек непрерывно подсознательно производит обсуждение, оценку каждого отдельного своего поступка. Вы можете быть «ангелоподобным» существом и всем людям делать добро. В подсознании вы судите о цельности подобных поступков для общего развития человечества и при этом очень объективно и тогда он получает совершенно иное значение, чем можно было бы подумать в верхнем сознании. Если же вы можете быть вором (я этим, конечно, ничего не хочу сказать), но совершая кражу, вы оцениваете ее совершение объективно, по ее значению в общем процессе развития человечества. И это вы неуклонно излучаете перед собой сквозь цветы лотоса. Подобно тому, как приговоры нашей судьбы, которые проходят через голову, как через решето, задерживаются нашими руками и кистями, так с помощью нашей астральной организации цветов лотоса направляются наши суждения, которые мы высказываем о наших действиях, а также и о наших мысленных действиях. Подобно сиянию излучаются они сквозь нашу организацию цветов лотоса, выходят из нас. И это сияние распространяется очень далеко. Оно переходит во время, не остается в пространстве. Потому так трудно представить себе цветы лотоса, что они находятся в непрерывном движении и непрерывно переходят во время. Здесь пространство действительно становится временем. Человек излучает сияние перед собой, но так, что это сияние переходит во время, непрерывное сияние, которое далеко переходит границы смерти. В течение всей жизни в нашем подсознании некто в нас производит суждения. Подобно тому, как нечто в нас мыслит нашу судьбу, так некто составляет суждения о всех наших поступках, и мы это суждение излучаем, как сияние.

Вследствие того, что это имажинативное действие, оно опять-таки выражается образно, но это образное выражение соответствует действительности. Жизнь такова, как если бы прожектор на большое расстояние излучал сияние. Только вы должны представить себя не в пространстве, а во времени. Например, вы теперь в сорок лет совершили какой-нибудь поступок. Ваша жизнь продолжается, проходит через 50-й, 60-й годы, затем через смерть и

далее в бытие, которое вы проводите между смертью и новым рождением. И, проходя через это бытие, вы шаг за шагом вживаетесь в то, что вы в течение вашей земной жизни непрерывно излучаете в то бытие через ваши цветы лотоса. Вы встречаете все то, что вы излучали в будущее. Опять выражаясь образно, это приблизительно то же самое, как если бы вы посредством прожектора бросали свет далеко перед собой и затем вы бы шли вдоль этого света и говорили себе: весь этот излученный свет я опять встречаю. Но только это суждение о ваших поступках, которые вы таким образом встречаете в жизни между смертью и новым рождением. В этом отношении человек — не решето или же, если хотите, «решето»: оно пропускает то, что он сам подсознательно порождает.

Итак, в человеке живет нечто, что является непрерывным критиком (если вы возьмете это слово не в педантически-филистерском смысле) его собственных поступков и что им излучается в его собственное будущее. И тут при желании можно привлечь естествознание. Благодаря тому, что человек построен вертикально, то есть в своем обычном аппарате сознание покоится на себе, как на собственной земле, благодаря этому в областях цветов лотоса задерживается то, что исходит из его странствования, преломляется под прямым углом и посылается в жизнь.

Итак, мы видим: то, что обыкновенно охватывается общим выражением «бессознательное» сложным, но вполне обозримым образом входит в человеческую жизнь. Именно вследствие того, что человек с одной стороны заканчивается внизу своей грудобрюшной преградой, он включается своим подсознанием в свою судьбу. У животного это излучение через цветы лотоса не идет в расчет. Почему? Это опять-таки связано с ориентировкой животного во Вселенной. Благодаря тому, что спинной хребет человека стоит вертикально под прямым углом к спинному хребту животного, человек преимущественно развивает то, что у животного совершенно не может развиваться, так как его спинной хребет горизонтален, а не вертикален и они оба нейтрализуют друг друга. Поэтому животное не может поставить рядом с собой критика, а также не может посылать в будущее суждения о поступках в животной жизни. Очень важно было бы, чтобы естествознание собралось с духом, а не останавливалось на тривиальном суждении, что можно сравнивать конечности животных в их структуре и формах с конечностями человека или голову животных с головой человека. Правда, человек обладает более совершенным мозгом, но, в сущности, человеческая голова не настолько отличается от головы животного, и потому материалистическая теория с такой легкостью причислила человека к ряду животных. Но человека отличает от животного его ориентировка во Вселенной. Когда ее когда-нибудь будут изучать, то и в естественнонаучном отношении придут к совершенно иным результатам. И здесь духовная наука будет давать направление, как отпадает направление в иных областях, указывая на определенные явления жизни, которые могут быть поняты лишь при условии получения соответствующего направления в духовной науке.

Итак, человек организован таким образом, что в нем живет много такого, о чем можно сказать, что еще с одной стороны умнее его — иногда и утонченнее — например, в суждениях о судьбе, но что, с другой — в нем есть также нечто, являющееся более объективным критиком, нежели каким является он сам в своей сознательной жизни. В человеке уже как бы живет в сложном виде то, что можно назвать другим человеком и это проявляется в жизни. Человек обыкновенно не присматривается к своим поступкам. Критик остается в нем подсознательным. Он становится сознательным лишь между смертью и новым рождением, когда всюду, шаг за шагом он встречается с тем «сиянием», о котором я говорил. Однако уже при разумном внимательном наблюдении жизни можно обнаружить, как в отдельных людях этот критик проявляется по разному.

Сравните два типа людей, которые можно встретить в жизни. Один тип часто обозначается, как «пострел, который везде поспел». Есть люди, которых можно всюду встретить, у них никогда нет времени, они постоянно в бегах, всюду суют свой нос, должны всюду принимать участие и т. д. Люди над этим не задумываются. Они считают это просто жизненной привычкой, покоящейся на различных подсознательных вещах. Но с этим связано

то, что критик в этой инкарнации, когда человек является «пострелом, который везде поспел» — занимает особое положение. Эти критики тоже имеют свою особую индивидуальность. Люди убеждаются в этом после смерти. У такого «пострела» (очень хорошо, если о таких вещах умеют говорить с юмором, ибо благодаря тому, что люди не дают юмору окончательно зачухнуть в себе, при своем вступлении в духовную науку они преодолевают то настроение, которое приносит такой ущерб духовной науке, ибо это настроение действительно приносит сильный ущерб духовной науке) у такого «пострела» этот критик является своего рода «актером», который очень хочет, чтобы его видели не только люди, но и всякие духовные существа. Ему приятно, чтобы все, что водится в духовном мире, всегда могло видеть, как он носится кругом. Этот тип «пострела» из тех, которые постоянно носятся кругом в духовном мире и хотят, чтобы их видели и от этого желая быть увиденным претворяющегося в подсознательное влечение, происходит характер «пострела, который везде поспел».

Возьмем противоположный характер. Это человек, совершающий то, что на него налагает жизнь, на что жизнь его наталкивает, чего она от него требует. Его не увидишь всюду, но он действует и там, где его не видно, где этого требует жизнь и т. д. У него тоже критик занимает особое положение. Эти вещи становятся понятны, если рассматривать их духовно. Здесь критик становится в особое положение, происходящее из бессознательной веры в то, что все, что он делает, даже если этого и не видят, реющие кругом духи, — как это хотелось бы «пострелу» — не бывает тщетно. Что ни одна сила в мире не тщетна, но имеет значение в мире. Это прекрасная вера: «все, что ты делаешь, если бы это даже выявилось через тысячелетия, получит свое значение в общей мировой жизни» — это сознание лежит в основании типа противоположного «пострелу» — известное спокойное пребывание в мире, уверенность, происходящая из только что охарактеризованной веры.

Из этого мы видим, как проясняется жизнь, если принять во внимание, что у человека действительно существует не только те отношения к жизни, которые внешне видимы в чувственном мире, но что у него действительно есть такие отношения к жизни, которые основаны на его отношении к духовному миру.

Я привел сегодня эти мысли главным образом потому, что я этим показал вам два элемента человеческого существа: один элемент, который таким образом связан с физической организацией человека между рождением и смертью, что эта организация указывает на подсознательное, например, когда я вам показал, что руки и кисти рук суть органы мышления, хотя и такие своеобразные органы мышления, что они дают особые методы для удержания того, что голова пропускает сквозь себя, как решето. Человек в этом отношении своеобразный сосуд: его голова служит решетом для судьбы, но когда мысли, которые мыслит судьба, текут, они подхватываются руками и кистями рук. Второй элемент в человеке, это то, что получается через цветы лотоса и входит в жизнь между смертью и новым рождением. От отношения, которое установится к этим двум течениям человека, зависит нечто очень важное. Ибо рассмотрите всего человека таким образом, чтобы действительно представить себе плоскость грудобрюшной преграды, тогда он предстанет перед вами, как двойственное существо: нечто входит в него, застревает, застревает благодаря силе рук и кистей, но все-таки спускается вниз до поверхности грудобрюшной преграды. Это есть то, что застревает благодаря тому, что человек есть вертикальное существо, а не горизонтальное, как животное. Другое фактически проявляется таким образом — (как странно это ни звучит, но мир полон загадок), что ноги и ступни одного находятся в таком же отношении к нему, как у другого — руки. Это связано с Землей. Ибо можно видеть, как излучения проходят сквозь Землю, проникают сквозь человека, но они направляются цветами лотоса и излучаются в будущее. Это два течения, являющие человека, как существо двойственное. В обычной жизни эти два течения бывают совершенно отделены друг от друга и на этом основана жизнь. Если бы эти два течения соединились в жизни, жизнь не была бы такой, как она есть, так как если бы они слились, человек не мог бы развить Я-сознания, ибо Я-сознание основано на том, что оба течения в жизни разделены. И все же они разделены

лишь отчасти. В некотором ином смысле они сливаются. В действительности это происходит так: то, что излучается из человека, чтобы излучением войти в жизнь между смертью и новым рождением, это может — если человек достигнет этого — вне человека соединиться с теми излучениями, которые затем задерживаются руками, прежде чем пройти сквозь решето. Оба течения обыкновенно проходят сквозь тело человека, но не могут слиться. Если человек их задерживает, они могут соединиться. Это соединение дает возможность встречи человека с умершим, с теми, кто прошел врата смерти.

Таким образом характеристикой этих обоих течений я дал введение к тому, о чем мы будем говорить в следующей лекции — об отношениях человека, которые он отсюда может завязать с этими умершими, для того, чтобы опять рассмотреть эти отношения с другой точки зрения.

ЛЕКЦИЯ 6 19. 03-1918 г

Мои дорогие друзья! Неделю тому назад мы говорили о более интимных вопросах человеческой душевной жизни, о таких вопросах, которые способны подготовить почву для представлений, простирающихся на отношение так называемых живых, то есть людей, живущих в физическом теле, к душам, покинувшим тело, к тем людям, которые живут между смертью и новым рождением. Дело в том, чтобы именно тогда, когда мы обсуждаем подобную тему, мы знакомимся с основными представлениями, которые душевно могут нас правильно ввести в то, как человек должен и может мыслить себя в подобных отношениях; ибо от того, осознает ли живущий здесь на Земле человек, что он стоит в каком-то отношении к умершему или вообще в отношении к тому или иному существу духовного мира, вовсе не зависит действительность этого отношения. То, что я теперь говорю, собственно, само собой разумеется для того, кто задумывается над этими словами; но именно в области духовной науки бывает иногда необходимо уяснить себе то, что «само собой разумеется».

У человека всегда существует отношение к духовному миру, у него также всегда существует известное отношение к тем умершим, которые с ним кармически связаны. Итак, это нечто совершенно иное, — говорить ли о действительности этого отношения — или же о более сильном или более слабом сознании, которое мы можем иметь об этом отношении. Но для каждого важно узнать, также и для того, кто может полагать, что подобное сознание ему совершенно чуждо — что говорит такое сознание, ибо оно сообщает каждому о действительностях, среди которых он всегда, всегда живет. Именно в смысле отношения так называемых живых людей к так называемым умершим, необходимо уяснить себе одно: в некотором смысле его труднее уяснить себе, чем отношение к другим существам духовного мира. Видением, созерцанием достигнуть сознания существ высших Иерархий, даже получить определенные откровения от высших Иерархий сравнительно легче, нежели осознать совершенно определенное отношение к умершим, т. е. действительно правильно осознать это. И это происходит по следующей причине:

Проходя период времени между смертью и новым рождением, человек живет в условиях бытия, сильно отличающихся от условий жизни физического мира. Достаточно вам только бросить взгляд на то, что говорится в цикле лекций о жизни между смертью и новым рождением и вы увидите, насколько отличные от физического мировоззрения представления и мысли необходимо применять для того, чтобы говорить о жизни между смертью и новым рождением. Почему же, собственно, так отличны от того, к чему привыкло обыкновенное человеческое сознание, представления, которые необходимо здесь применить? Оттого, что вследствие известных условий, между смертью и новым рождением человек известным образом предвосхищает то, что будет жизненным условием следующего воплощения Земли — природы Юпитера. Человек действительно живет в духовном утончении так, что то, что он теперь переживает между смертью и новым рождением, уже напоминает то, что будет первым условием жизни развитая на Юпитере. Так как человек известным образом здесь в

своей жизни во время земного воплощения удержал нечто из жизненных воплощений Земли — из бытия Луны, Солнца и Сатурна, поэтому он воспринимает нечто из будущего во время жизни, которую он проходит между смертью и новым рождением. Напротив — существа Высших Иерархий, поскольку в них может проникнуть человеческое видение, хотя все и связано — связано сообразно условиям настоящего времени — разумеется, со всем духовным миром, но поскольку с духовным миром, поскольку он уже изживается в настоящее время в какой-либо форме. В грядущем они будут открывать будущее. Как ни парадоксально известным образом звучит то, что я теперь говорю — однако это так. Это звучит парадоксально оттого, что может возникнуть вопрос, каким же образом существа Высших Иерархий оказывают действие на умерших, раз умершие уже несут в себе будущее? Конечно, и существа Высших Иерархий несут в себе будущее и имеют в себе возможность образовывать будущее. Но они делают это, образуя при этом нечто такое, что характерно непосредственно для настоящего времени. То же самое относится и к умершим. Поэтому для познания общения с умершими необходимо, как своего рода подготовка, видение того, что совершают Высшие Иерархии. И лишь в том случае, если своей душой установишь более или менее сознательное ощущение к существам Высших Иерархий душа постепенно получит возможность благодаря способности восприятия и ощущения по отношению к высшим Иерархиям, осознать нечто из общения с умершими. Я этим не имею в виду сказать, что необходимо ясновидчески постигнуть Высшие Иерархии. Но необходимо понять, поскольку этому способствует духовная наука, а она способствует этому, — то, что из Высших Иерархий изливается в бытие. Во всех этих явлениях вопрос сводится к пониманию. Тогда, конечно, если постараться понять эти явления духовнонаучно, могут также наступить те условия бытия, которые вводят в сознание нечто из связи так называемых живых с так называемыми умершими. Для того, чтобы понять это, необходимо принять во внимание следующее:

Духовный мир, в котором человек живет между смертью и новым рождением, имеет свои совершенно особые условия бытия, которые мы в нашей обыкновенной земной жизни собственно едва замечаем, которые нам звучат довольно парадоксально и кажутся странными, если они даются нам в составе какого-нибудь жизнепонимания. Прежде всего здесь следует помнить, что, если человек хочет сознательно ощущать подобные вещи, он должен развить в себе чувство, которое хотелось бы назвать чувством действительной общности с вещами бытия. Это является требованием для продолжения духовного развития человечества, начиная с современности, с нашей катастрофической современности, чтобы человек постепенно развивал это чувство общности с вещами бытия. В подсознании это чувство общности безусловно заложено, хотя и на низшей ступени. Но мы не должны, подобно пантеистам, болтать о каком-то «всеобщем духе», не должны говорить об этом чувстве общности так вообще. Но мы должны уяснить себе в конкретных частностях, как можно говорить о таком чувстве общности, как оно постепенно создается в душе. Ибо это чувство общности, как есть результат жизни. Здесь необходимо принять во внимание следующее:

Вы вероятно, часто слышали о том, что у преступных натур, у которых инстинкт очень сильно действует подсознательно, после того, как они совершили что-либо, какой-либо поступок, является своеобразный инстинкт: их гонит к месту их поступка, они ищут место, где совершили поступок, их гонит туда неопределенное чувство. Но в таких вещах только выражается в особых случаях то, что является общечеловеческим по отношению ко многим вещам. Дело в том, что после того, как мы что-либо сделали, что-либо совершили, и будь это, казалось бы, самое незначительное действие, в нас остается — этого нельзя иначе выразить, хотя это, конечно, опять-таки выражается в своего рода имажинации — нечто из того, что мы сделали, от той вещи, которой мы касались при поступке. С нашим Я остается связана некоторая сила от той вещи, которой мы касались, с которой мы нечто совершили. Человек непременно должен вступать в связь со всеми существами, с которыми он встречается, с вещами, которых он касается, с вещами, с которыми он имеет дело в жизни.

Мы всюду оставляем наши следы и в нашем подсознании остается чувство связи с вещами, с которыми мы пришли в соприкосновение через наши поступки. У натур, о которых я только что говорил, это выражается ненормальным образом, так как подсознательное очень интенсивно просвечивает в обычное сознание. Но в подсознании у каждого бывает чувство, что он должен вернуться к тому, с кем он пришел в соприкосновение через свой поступок.

Это и есть то, что обосновывает нашу карму. Отсюда происходит наша карма. И из этого подсознательного чувства, которое лишь туманно проявляется в бытии, вытекает всеобщее чувство общности с миром. Хотелось бы сказать, подсмотреть, заметить на себе это чувство общности. Для этого необходимо принять во внимание некоторые более интимные стороны жизни. Необходимо попытаться действительно вчувствоваться в представление: ты теперь пересекаешь улицу и затем пересечь улицу и после того, как пересек ее, увидеть себе в своем представлении идущим: благодаря тому, что мы на ходу вызываем в себе нечто подобное, мы выращиваем в своей душе это всеобщее чувство общности с миром. У того, кто более конкретно осознает это чувство общности, оно разовьется таким образом, что он в конце концов скажет себе: все же существует связь, хотя и невидимая, со всеми вещами и между всем происходящим, поскольку это происходящее проникает в наш мир.

Современные земные люди еще не обладают полным сознанием этого общего, этого органически взаимопроникающего в вещах, они этим еще не обладают в своем сознании, это остается еще в подсознательном. Во время развития Юпитера это чувство будет основным. Постепенно вырабатываясь из пятого после атлантического культурного периода в шестой, мы подготовляем развитие такого чувства, так что его выработка, необходимая для перехода из нашего периода времени в следующий, должна создать для человечества особую этическую основу, особую моральную основу, которая должна быть гораздо более живой, чем соответствующее чувство в настоящее время. Это значит следующее:

В наше время люди не особенно задумываются, когда обогащаются за счет других или живут за счет других. Люди эти не только не включают в моральную самокритику эту жизнь за счет других, но даже не задумываются над этим. Если бы они над этим задумались, они увидели бы, что люди гораздо больше, чем они это замечают, живут за счет других. А именно каждый живет за счет другого. Впоследствии разовьется такое сознание, что жизнь за счет других, также и в общежитии, будет означать то же самое, как если бы какой-нибудь орган организма неправомерно развивался за счет других органов, и что счастье отдельного человека в действительности будет невозможно без общего счастья. Этого теперь, конечно, люди еще не подозревают, но это постепенно должно стать основным принципом действительной человеческой морали. В наше время каждый стремится прежде всего к своему собственному счастью, не думает о том, что, собственно, счастье в основе возможно только при условии счастья всех других.

Итак, существует связь между чувством общности, о котором я говорил и чувством, что, собственно, вся общая жизнь есть организм. Это чувство может для человека очень усилиться, может чрезвычайно усилиться: он может развить интимное ощущение совместного бытия с окружающими его вещами. Если он усилит это интимное ощущение, он получит возможность постепенно достигнуть восприятия того, что я в последней лекции охарактеризовал, как то «сияние», которое человек излучает сквозь смерть в наше развитие между смертью и новым рождением, сияние, которое мы воспринимаем и из которого мы создаем нашу карму. Я хочу на это только указать. Но если развивать это чувство общности, то получается еще нечто иное: а именно, возможность действительно сживаться с особенностями, интуицией, мыслями, поступками другого человека так, как если бы они были нашими собственными. Для душевной жизни это бывает связано с некоторой трудностью — таким образом вдуматься в человека, чтобы то, что он делает, мыслит и чувствует нами ощущалось, как наше собственное. Если же плодотворно задуматься над тем, что у нас было общего с умершими, которые во время жизни были с нами кармически связаны, то мы действительно достигаем их, как раз-воплощенных людей. Но мы достигаем

их лишь в том случае, если мы будем в состоянии вспоминать о совместно пережитом с ними, хотя бы это была какая-нибудь мелочь — вспоминать именно так, как мыслят, когда обладают этим чувством общности.

Итак, представим себе, что мы мыслим о чем-либо, что происходило между вами и умершим, когда мы с ним сидели за столом или гуляли, или о чем-нибудь другом, будь это — как было сказано — даже самой мелочью. Но душа имеет возможность правильно вжиться в атом, чтобы достигнуть действительности лишь в том случае, если она на самом деле обладает этим чувством общности, иначе у нее будет слишком мало силы для того, чтобы вжиться в это. Ибо поймите как следует: только из такого места, на которое мы таким образом направляем это чувство общности, умерший может довести себя до нашего сознания. Вы можете представить себе это совершенно «пространственно», вы, конечно, должны будете запомнить, что вы при этом представляете себе только образ, но вы представляете себе образ настоящей действительности. Я снова возвращаюсь к тому, что я сказал раньше: вы представляете себе одну какую-нибудь ситуацию, как вы, например, сидели с умершим за столом или совершали с ним прогулку. Затем вся ваша душевная жизнь направляется в сторону этой мысли. Если вы в этой мысли разовьете такое совместное бытие души с умершим, какое соответствует этому чувству общности, то его взор может из духовного мира найти эту мысль точно так же, как ваша мысль, ваше направление мысли находит ту действительность, на которую эти мысли направляются. Благодаря тому, что вы с любовью даете ожить в вашей душе этой мысли об умершем и в той степени, в какой я указал, вы в направлении вашего душевного взора встречаетесь с направлением душевного взора умершего. Благодаря этому умерший может говорить с вами. Он может говорить с вами только из того места, на которое падает направление вашего чувства общности о нем.

Такова связь между вещами. Если мы известным образом научаемся чувствовать вашу карму, получая представления о том, как мы всюду оставляем следы. Если мы научимся благодаря этому отождествляться с вещами, мы разовьем чувство, которое нас приведет все более и более к сознательной связи с умершими. Только таким образом умерший получает возможность говорить к нам.

Другое необходимое — это научиться слышать, научиться со временем действительно воспринимать это. Прежде всего мы должны принять во внимание то, что как «воздух» должно лежать между нами и умершими, чтобы он мог с нами говорить. Сравним это с физическим: если бы здесь между нами было безвоздушное пространство, вы не могли бы слышать того, что я говорю. Воздух должен это передать. Точно также должно быть нечто между живыми и умершими, чтобы умерший мог к нам подойти. Должен известным образом существовать «духовный воздух» и мы теперь можем говорить о том, из чего состоит этот духовный воздух, в котором мы живем совместно с умершими. Из чего состоит этот духовный воздух?

Если мы хотим это постичь, мы должны вспомнить о том, что я уже излагал в другой связи; а именно, как возникает человеческое воспоминание, ибо все эти явления связаны друг с другом. Обычная психология говорит о человеческом воспоминании: я получил теперь впечатление из внешнего мира, оно вызывает во мне представление. Это представление каким-то образом бродит в моем подсознании, оно забывается и когда является особый к тому повод, оно снова выплывает из подсознательного и тогда я «вспоминаю». Ибо по отношению к воспоминанию почти у всех психологов такое ощущение, что в данный момент на основании впечатления мы получаем представление, затем через некоторое время утрачиваем его, тогда оно забывается и бродит в подсознательном, а затем при случае оно снова поднимается в сознание. Мы вспоминаем и думаем, что это то же самое представление которое составили себе вначале. Но это совершенная бессмыслица, которую, правда, преподают почти исключительно во всех психологиях, но которая, тем не менее, является все-таки бессмыслицей. Ибо того, о чем здесь говорится, вовсе не бывает. Когда мы образуем себе впечатления на основании внешнего переживания и впоследствии вспоминаем об этом, то в нас поднимается вовсе не

то представление, которое мы образовали вначале. В то время, как мы теперь представляем себе нечто, происходит еще и подсознательный процесс, второй процесс, только он во время внешнего переживания не доходит до сознания, но все же он совершается. И путем процессов, о которых я теперь не хочу говорить, в нашем организме на следующий день разыгрывается то, что разыгралось сегодня, но что осталось неосознанным. И подобно тому, как сегодня внешнее впечатление вызывает представление, так то, что было вызвано внизу вызывает на следующий день новое представление. Представление, которое я имею сегодня, проходит, его больше нет. Оно не бродит в подсознательном, но когда, я на следующий день получаю из памяти то же самое представление, то это происходит оттого, что во мне есть нечто, что вызывает это самое представление. Но это было создано подсознательно. Кто думает, что представления воспринимаются нашим подсознанием, бродят там и в конце концов поднимаются из души, тот, если он, например, через три дня хочет вспомнить, что нечто произошло с ним, чего он не хочет забыть и что он задумал себе — пусть он себе тогда представит: человек, о котором он хочет вспомнить, также заключен в том, что он записал себе и через три дня этот человек поднимается из записной книжки. Точно также, как в записную книжку вошли только «знаки», так и в воспоминании тоже только «знак» и он вызывает — и при этом в более слабой степени — то, что было нами пережито. В этом отношении можно привести много духовнонаучного, мы это и сделаем и оно вполне уяснит то, что я теперь излагаю, сегодня я хочу напомнить только об одном.

Кто хочет заучить что-либо на память или же запомнить что-либо, что ему нужно, то, что в юности часто называют «зазубрить» и вы увидите, какие он делает усилия, чтобы придти на помощь этой бессознательной деятельности, которая при этом совершается. Этому подсознательному он старается как-либо помочь. Это две совершенно различные вещи — запечатлеть что-либо в воспоминании и что-либо представить себе в данный момент. Если вы умеете различать людей, наблюдать их характеры, вы вскоре сможете убедиться, что изучение человека показывает, что при этом имеют дело с двумя моментами: вы увидите, что есть люди, которые быстро схватывают, но у которых ужасно плохая память, и наоборот, есть люди совершенно тупые в смысле быстрого схватывания, но обладающие хорошей памятью, особенно хорошей способностью представления и суждения. Эти два момента идут совершенно рядом и во многих отношениях духовная наука должна будет указать на правильное соотношение вещей в действительности.

Когда мы таким образом постигаем в жизни то или иное, а мы с раннего утра от пробуждения до засыпания постигаем нечто в мире, мы белее или менее сознательно развиваем наши симпатии или антипатии к тому, что мы постигаем и мы большей частью бываем довольны, если мы что-либо поняли. Деятельность же, которая затем ведет к воспоминанию, имеет гораздо более широкую область действия, чем та, которая необходима для усвоения впечатлений. В нашей душе действительно происходит много подсознательного, и это подсознательно происходящее иногда странным образом противоречит тому, что в нас происходит сознательно. Может иногда случиться, что мы ощущаем антипатию к производимому на нас чем-либо впечатлению. Подсознание совершенно не ощущает этих антипатий, оно вообще ощущает впечатления совершенно иначе, чем обычное сознание. А именно, подсознательное развивает странное ощущение по отношению ко всем впечатлениям: ощущение, которое я не могу обозначить иначе (хотя, когда к духовному применяют выражения, взятые из физического мира, они всегда имеют значение лишь сравнения, но здесь это выражение очень хорошо подходит) не могу обозначить иначе, как сказав: независимо от того, что происходит в сознании, подсознательное всегда развивает по отношению к каждому впечатлению некоторое чувство благодарности. Это не будет неправильно, если я скажу: перед нами может стоять человек, и сознательное впечатление, которое вы от него получаете, может быть для вас ужасно неприятно. Человек может говорить вам в лицо величайшие грубости — подсознательное впечатление переживает по отношению к нему некоторое чувство благодарности. Это чувство благодарности существует по той простой причине, что все, что в жизни подходит к

более глубоким элементам нашего существа, обогащает нашу жизнь, действительно обогащает ее. Также и вес неприятные впечатления обогащают нашу жизнь. Это не стоит ни в какой связи с тем, как мы должны сознательно относиться к внешним впечатлениям. Должны ли мы сознательно реагировать так или иначе — это не имеет ничего общего с тем, что разыгрывается подсознательно. В подсознании все приводит только к некоторому чувству благодарности; подсознательно воспринимают каждое впечатление, как дар, за который оно должно быть благодарно. Это мы делаем в нашем подсознании.

В высшей степени важно принять в соображение этот протекающий за порогом сознания факт. То, что здесь действует и разрешается в чувстве благодарности, действует в нас подобным же образом, как то, что действует в нас при впечатлении из внешнего мира и что потом должно стать воспоминанием. Оно протекает наряду с представлением и осознать эти вещи может только тот, у кого будет ясное чувство, что он непрерывно грезит от пробуждения до засыпания. Я уже указал в публичной лекции «Историческая жизнь человечества и ее загадка» от 14 марта, что в отношении наших чувств и нашей воли мы непрерывно спим и грезим также и в бодрственной жизни. Когда мы даем воздействовать на себя миру, наши впечатления и представления непрерывно продолжаются, но в то же время мы грезим обо всех вещах и эта жизнь грез гораздо богаче, чем мы думаем. Только она затмевается сознательными представлениями подобно тому, как слабый свет затмевается сильным. Вы можете как бы в виде опыта уяснить себе эти вещи, обратив внимание на различные интимные стороны жизни. Попробуйте, например, произвести в самом себе следующий эксперимент: представьте себе, что вы лежите в постели и просыпаетесь. Конечно, человек дотом не следит за собой, потому что тотчас же вслед за этим мир производит на него различные впечатления, но может случиться, что он еще некоторое время останется в покое, после того, как проснется. Тогда он сможет заметить, что он, собственно, получал восприятия уже прежде, чем проснулся. Он может наблюдать это особенно в случае, если кто-нибудь постучал в дверь и затем перестал, он может это констатировать, не просыпаясь, он знает: что-то произошло, это явствует из всей общей ситуации.

Делая подобное наблюдение, человек бывает уже недалек от признания того, что констатирует наука о духе: а именно, что мы воспринимаем наше окружение в гораздо более широком объеме, чем мы это сознаем. Когда вы идете по улице, встречаете человека, который только что вышел из-за угла и которого вы поэтому не могли видеть — у нас будет чувство, что вы все же видели его раньше, в бесчисленных случаях у вас может явиться такое чувство, что вы уже видели что-либо прежде, чем это действительно произошло. Это верно: мы уже заранее находимся в душевно-духовной связи о том, что мы воспринимаем впоследствии. Это действительно так, только мы бываем «оглушены» последующим чувственным восприятием и мы действительно упускаем из виду то, что происходит в интимных глубинах душевной жизни.

Это опять-таки нечто такое, что происходит подобным же образом, как образование памяти, или как то, что я изложил как чувство благодарности по отношению ко всем окружающим явлениям. Умершие могут говорить к нам только через ту стихию, которая проходит через наши, пронизывающие жизнь, сновидения. С этим интимным, подсознательно происходящим восприятием говорят умершие. И это возможно для них, когда мы в состоянии жить в общем с ними духовно-душевно-духовном воздухе. Ибо, когда они хотят говорить с нами, им необходимо, чтобы мы восприняли в наше сознание нечто из того, что я только что развил, как чувство благодарности по отношению ко всему, что нам раскрывается. Если в нас совершенно нет этого чувства благодарности, если мы не в состоянии быть благодарными миру, за то, что он дает вам возможность жить, что он все время обогащает нашу жизнь новыми впечатлениями, — если мы не в состоянии углубить нашу душу чистыми и постоянными воспоминаниями о том, что, собственно, вся жизнь целиком есть дар: — умершие не найдут с нами общего воздуха. Ибо они могут говорить с нами через только чувство благодарности, иначе между ними и нами — стена. Вы увидите, сколько препятствий встает именно тогда, когда вопрос идет об общении с умершими. Ибо,

как мы видели из предыдущих соотношений, вопрос всегда в общении с теми умершими, с которыми мы кармически связаны. Если, потеряв их, мы желаем, чтобы они были снова в живых, то мы не можем подняться до мысли: мы благодарим за то, что они с нами были совершенно независимо от того, что они уже не с нами — и у нас нет чувства благодарности именно по отношению к тому, существу, к которому мы хотим приблизиться. Тогда оно нас не находит или по крайней мере не может с нами говорить. Именно ощущения, очень часто переживаемые по отношению к близким умершим, являются препятствием к тому, чтобы умершие могли говорить о нами. Другие умершие, не связанными с нами кармически, обыкновенно с большим трудом говорят с нами, но по отношению к близким мы слишком мало испытываем ощущение, что мы им благодарны за то, что они в жизни имели значение для нас, и такое ощущение, что мы не должны удерживать представление о том, что они уже не с нами, ибо в более широком смысле жизни — это неблагодарное ощущение. Достаточно только уяснить себе, насколько чувство утраты перевешивает все остальное, тогда можно будет учесть все значение того, что я говорю. — Мы думаем, мы потеряли дорогого близкого. Тогда мы действительно должны уметь подняться до ощущения благодарности за то, что мы его имели. Мы должны уметь самоотверженно думать о том, чем он был для вас до своей смерти, а не о том, что мы теперь ощущаем оттого, что он больше не с нами. Ибо, чем дольше мы можем ощутить, чем он был для нас при своей жизни, тем легче находит он возможность говорить с нами, тем больше будет у него возможности подойти к нам со своими словами сквозь общий воздух благодарности.

Правда, для того, чтобы все более и более сознательно вступать в мир, из которого это исходит, необходимо еще многое другое. Предположим, вы потеряли ребенка. Необходимое чувство общности вы можете пробудить в себе, например, представив, как вы сидите с ребенком, играете с ним, так что вас игра интересует в такой же степени, как самого ребенка. И если вы можете таким образом думать о ребенке, чтобы игра интересовала вас в такой же мере, как и самого ребенка, у вас будет соответствующее чувство общности, точно так же, как только тогда имеет смысл играть с ребенком, если можешь сам стать точно таким же ребячливым, как сам ребенок. Это создает атмосферу, необходимую для чувства общности.

Итак, если представляют себе, что играют с ребенком и очень живо переносятся в это представление, то создается место, на которое может упасть направление нашего и его взгляда. Если я в состоянии постичь, что говорит умерший, я нахожусь с ним в сознательной связи. Этому опять-таки может способствовать многое.

Некоторые люди, например, относятся к мышлению чрезвычайно легко. Вы скажете, это неправда! И все же есть люди, которые относятся к мышлению в высшей степени легко. Если люди находят его «трудным», то это, собственно, другое чувство. Именно те люди, которые легче всего относятся к мышлению, считают, что оно труднее всего. Это происходит от того, что, собственно, ленятся мыслить. Но я думаю, что большинство людей чрезвычайно легко относятся к своему мышлению (нельзя даже сказать, насколько легко, потому что это происходит так необыкновенно легко, что люди мыслят) можно только сказать: они просто мыслят, они даже не имеют понятия о том, что это могло бы быть «трудно». Они просто мыслят, они создают свои представления, имеют их тогда и так и живут в них. Но затем к людям подходит нечто иное и я сейчас же укажу, пример: духовная наука.

Духовную науку избегают многие не потому, что ее трудно понимать, а потому, что необходимо известное усилие, чтобы воспринять в себя духовнонаучные представления. Эти люди боятся усилия, и кто все дальше и дальше будет проникать в духовную науку, тот постепенно заметит, что образование в ней мыслей действительно требует усилия воли, что усилие воли происходит не только тогда, когда поднимают вес в 10 пудов, но также и тогда, когда образуют мысли. Но люди этого не хотят, они мыслят «легко». Именно тот, кто подвигается вперед в мышлении, приходит к сознанию, что он все с большим и большим трудом мыслит, все более и более тяжеловесно, если можно так сказать, так как он все больше и больше ощущает: для того, чтобы в нем могла, улечься мысль, он должен сделать усилие. Собственно, для проникновения в духовный мир нет ничего более благоприятного,

как когда человеку становится все труднее и: труднее образовывать мысли и, собственно, всегда удачнее продвигался бы в духовной науке тот, кто вовсе перестая бы применять мерку легкого мышления, к которому обыкновенно привыкают в жизни, но сказал бы себе: собственно, мышление такая же работа, как молотья. Приходится делать такое же усилие, как когда молотишь цепом. Я могу только указать на такое чувство, но оно может образоваться. Хорошо и благотворно, если это так. С этим связано еще многое другое, например, чтобы постепенно отошло то, что бывает со многими. Многие мыслят так быстро, что достаточно кому-нибудь сказать только что-либо из какого-нибудь комплекса мыслей, и они уже постигли общую связь и уже все знают, они сейчас же могут ответить. Какой, вообще смысл имел бы салонный разговор, если бы трудно было мыслить. Но можно заметить: по мере того, как человек постепенно знакомится с внутренними соотношениями вещей, ему становится все труднее просто болтать и на все сразу иметь готовый ответ, ибо это бывает от легкого мышления. Также и в смысле успехов в знании человек становится все более подобен Сократу. Он все больше убеждается в том, что нужно делать большие усилия и что только с трудом приобретаешь право высказывать свое мнение в том или ином.

Это чувство — что для образования мыслей необходимо усилие воли, родственно другому чувству в нас, которое у нас иногда бывает, когда мы должны что-либо заучить, «зазубрить» и не можем залом-нить того, что должны. Вполне возможно ощутить родство между этими двумя явлениями: трудность удержать что-либо в памяти и трудность, когда в своем собственном мышлении делают усилие воли, чтобы понять что-либо. Но можно в этом упражняться, можно применить то, что я мог бы назвать: добросовестность, чувство ответственности по отношению к мышлению. Со многими людьми, например, бывает, что когда кто-нибудь из известного личного опыта говорит, например, «такой-то или такой-то — очень хороший человек», другой выпаливает: «ужасно хороший человек». Подумайте только, как часто бывает в жизни, что ответы заключаются только в том, что вместо положительной степени отвечают сравнительной. Конечно, часто не бывает ни малейшего основания для сравнительной степени, это только абсолютное отсутствие мысли. Чувствуешь, что ведь нужно было бы что-нибудь пережить из того, что надо выразить, из того, о чем хочешь говорить. — Разумеется, такое жизненное требование не должно быть слишком преувеличено, ибо иначе во многих салонах наступило бы «великое молчание».

Но дело все же обстоит так: это чувство, которое просыпается из чувства ответственности по отношению к мышлению, из чувства, что мыслить трудно, это чувство обуславливает возможность и способное получать просветления. Ибо просветление не приходит таким образом, как у большей части людей приходит мысль. Просветление всегда приходит так, что оно дается с таким же трудом, как и то, что мы ощущаем именно, как трудное. Мы сначала должны научиться ощущать мысль, как «трудное», мы должны сначала научиться ощущать, что запоминание на память есть нечто иное, чем чистое мышление, но тогда, мы сможем пережить чувство того слабого сновидческого появления мыслей в душе, которые не хотят задерживаться, которые, собственно, хотят исчезнуть тотчас же, как появляются, которые трудно охватить. Мы помогаем себе, когда развиваем в себе чувство реальной жизни мыслями. Уяснить себе, что происходит в вашей душе, если у вас, например, было намерение пойти куда-либо и затем вы приходите к цели. Конечно, человек обыкновенно не задумывается над этим, но можно задуматься над тем, что происходит в душе, когда у нас было какое-либо намерение, когда мы его выполнили а затем достигли того, что предполагали. В душе фактически произошел переворот. Иногда это бывает очень ярко выражено: когда путешественник должен сделать большие усилия, чтобы подняться вверх, на гору, когда он отдувается и когда, наконец, достигнув вершины, восклицает: «Слава Богу, что мы дошли», тогда замечает, что в чувствах произошел известный переворот. Но можно в этом направлении усвоить себе и более тонкое ощущение и это более тонкое ощущение может продолжиться в более интимную душевную жизнь. Тогда оно подобно следующему чувству: кто начнет вспоминать какую-нибудь ситуацию, пережитую с умершими, кто попытается пережить общие интересы с умершими, попытается связать себя

с его мыслями и ощущениями, тот почувствует, что он как бы находится в пути и затем наступает момент, когда ощущаешь себя как бы достигшим покоя в этой мысли. Кто это умеет: сначала двигаться в мысли и затем прийти в равновесие с этой мыслью, тот ощутит, как если бы он остановился в то время, как он раньше шел. Этим человек много сделал для того, чтобы соответствующим образом идти навстречу тем просветлениям, которые ему могут дать мысли. Можно также содействовать просветлению мыслями тем, что приводят в действенное состояние всего человека, между тем, как обычно в жизни делают это только частично. Это, разумеется, ведет в более интимные глубины этого переживания. Кто несколько внесет в свое сознание то чувство благодарности, о котором я говорил раньше, тотчас же заметит, что это обычно остающееся бессознательным чувство благодарности, когда оно входит в сознание, действует не так, как обыкновенное чувство благодарности. Но оно действует так, что его можно было бы связать с человеком в его целом, по крайней мере вплоть до его рук и кистей рук. Здесь я должен обратить ваше внимание на то, что я сказал об этой части человеческого ощущения, где постигаются обычные представления, а более интимные представления проходят сквозь мозг, как сквозь решето и воспринимаемыми их органами являются собственно руки и кисти рук. Но это можно действительно пережить. Можно при этом, разумеется, оставаться спокойным, но все же можно пережить такое ощущение, как если бы нам руками нужно было бы по отношению к известным впечатлениям жизни выразить это чувство благодарности и тому подобные чувства, например, чувство удивления, чувство почитания. Отрывочные проявления этого переживания бывают, когда испытываешь подергивания в руках и кистях, чтобы сопережить подсознательные импульсы при впечатлениях — они проявляются, когда человек, например, чувствует побуждение соединять руки перед лицом прекрасной природы или перед чем-нибудь иным, что с ним случилось, молитвенно сложить их. Все, что с нами случалось, подсознательно, фрагментарно проявляется в жизни. По отношению к тому, что можно было бы назвать «желание рук и кистей соучаствовать во внешних впечатлениях», человек может оставаться в покое. В таком случае движется только его эфирное тело, его эфирные кисти и эфирные руки. Чем больше это осознают, чем больше научаются соучаствовать организмом рук во внешних впечатлениях, чем больше развивают проявляющееся таким образом ощущение: «когда ты видишь красное, тебе хотелось бы сделать такое — то движение рукой, ибо оно относится сюда. Когда ты видишь синее, тебе хотелось бы сделать другое движение руки, ибо оно сюда относится». Чем больше это осознают, тем больше также развивают чувство для просветлений, для того, что таким образом должно войти в душу, что мы должны получить, как впечатление. Когда мы отдаемся таким образом, как я описал это по отношению к играющему ребенку, мы растворяемся во впечатлении, но находим самих себя. Затем приходит просветление, если мы развили в себе способность приготовить для впечатления всего человека, если мы, и погружаясь в наши собственные мысли с умершими, самое это догружение можем связать с чувством общности, и просыпаясь затем, может в действительном переживании связать его с человеком в его целом, как я это теперь описал — если мы можем ощутить это чувство благодарности, идущие до кистей рук. Ибо та духовная сущность, в которой находится умерший между смертью и новым рождением, говорит к живому человеку и таким образом, что можно сказать: мы находим его, если мы можем встретиться с ним в общей области духа на такой мысли, которую и он видит, если мы можем встретиться с ним на этой общей мысли в полном чувстве общности, и мы имеем материал для этого через посредство ощущения благодарности. Ибо из пространства, сотканного из чувства общности через воздух, образованный из ощущения общей благодарности по отношению к миру говорят умершие к живым людям.

ЛЕКЦИЯ 7 28. 03-1918 г

Мои дорогие друзья! Для сохранения связи вернемся к тому, что было здесь приведено восемь дней тому назад.

Я сказал: когда вопрос идет о том, чтобы направить свое внимание на отношение воплощенных в теле человеческих душ к развоплощенным человеческим душам, живущим между смертью и новым рождением, то важно, направить духовный взор как бы на тот «душевный воздух», который должен связать живых с так называемыми умершими, чтобы между обоими могло установиться некоторое отношение. И мы видели, что известные настроения души, которые должны быть у живых, как бы перекидывают мост в те царства, в которых находятся так называемые умершие. Душевные настроения всегда означают также и присутствие известного душевного элемента и можно сказать: именно, если присутствует этот душевный элемент, если он выявляет свое присутствие в живом человеке соответствующими чувствами, тогда получается возможность подобного отношения.

Затем нам пришлось указать, что подобная возможность, т. е. известная связь через воздух создается у живого человека путем двух направлений чувств. Одно направление чувств это то, которое можно было бы назвать «чувством универсальной благодарности», по отношению ко всем жизненным знаниям. Я сказал: общий характер отношения человеческой души к окружению распадается на подсознательную часть и сознательную. Сознательную часть знает каждый: она заключается в том, что человек симпатиями и антипатиями и своими обычными восприятиями, следит за тем, что с ним случается в жизни. Подсознательная же часть состоит в том, что мы фактически за порогом сознания: развиваем чувство лучшее и более возвышенное, чем те чувства, которые мы можем развивать в обычном сознании. Чувство, которое не может быть обозначено иначе, как так, что мы в нашей подсознательной части души всегда знаем: мы должны быть благодарны за каждый приходящий к нам жизненный опыт, даже за самый малый. Нас, конечно, в каждый данный момент может горестно настроить столкновение с тяжелыми жизненными переживаниями, но при более широком кругозоре эти горестные жизненные переживания получают такое значение, что если и не в верхнем сознании, то, по крайней мере, в подсознании мы можем быть благодарны за них, благодарны за то, что Вселенная снабжает нашу жизнь непрерывными дарами. Это есть нечто такое, что как действительно подсознательное чувство существует в человеческой душе.

Второе состоит в том, чтобы связать наше собственное «я» с тем существом, о котором мы при жизни были как-либо связаны в деятельности. Наши поступки простираются на те или иные существа жизни, — это могут быть даже неодушевленные существа. Но там, где мы совершили что-либо, где наше существо в действии связало себя с другим существом, остается нечто, и это остающееся обосновывает длительное родство нашего существа со всем тем, о чем мы когда-либо связали себя. Я сказал: что это чувство родства является основой для более глубокого, для верхней части души обычно остающегося неизвестным чувства общности с окружающим миром.

Человек может все более и более сознательно изживать оба эти чувства — благодарности и общности с окружающим, с которым он был как либо кармически связан. Он может как бы поднять в свою душу то, что живет в этих чувствах и ощущениях. И в той мере, в какой он поднимает в свою душу именно эти два ощущения, он подготавливает себя к тому, чтобы перекинуть мост к душам, проходящим жизнь между смертью и новым рождением. Ибо мысли этих душ могут найти к нам путь только в том случае, если они действительно могут проникнуть сквозь область развитого нами чувства благодарности и мы можем найти к ним путь единственно при условии, что наша душа по крайней мере до некоторой степени приучится к тому, чтобы развивать действительное чувство общности. То, что мы бываем в состоянии ощущать благодарность по отношению к Вселенной, позволяет также иногда войти в нашу душу такому настроению благодарности, когда мы хотим вступить в какое-либо общение о умерших. То, что мы упражнялись в таком настроении благодарности, то, что мы в состоянии чувствовать его — это прокладывает к нам путь мыслям умерших и то, что мы можем ощущать: «наше существо живет в органической общности, частью которой оно является подобно тому, как наш палец часть нашего тела», это дает нам зрелость и для того, чтобы ощутить подобную благодарность по

отношению к умершим, когда они уже не живут в физическом теле и для того, чтобы мы могли достигнуть их нашими мыслями. Только в случае, если мы в какой-нибудь области усвоили в себе настроение благодарности, ощущение общности — только тогда имеем мы возможность применять его и в указанном случае.

Эти ощущения не единственные. Существуют еще разнообразные подобные подсознательные ощущения и подсознательные душевные настроения. Все, что мы развиваем в наших душах, все больше прокладывает путь в тот мир, где живут умершие между смертью и новым рождением. Таково совершенно определенное ощущение, которое подсознательно всегда существует, но постоянно может быть поднято к сознанию наряду с благодарностью, ощущение, которое тем больше утрачивается человеком, чем больше он склоняется к материализму. Но в подсознательном оно до известной степени всегда существует и его собственно нельзя искоренить даже самым сильным материализмом. Но обогащение, повышение, облагорожение жизни зависит от того, будут ли подобные вещи подняты из подсознания в сознание. Ощущение, которое я имею в виду, это то, которое можно было бы обозначить, как общее доверие к проходящей через нас и мимо нас жизни, доверие к жизни. В материалистическом понимании жизни очень трудно найти настроение доверия к жизни. Оно даже подобно благодарности по отношению к жизни, но это опять-таки иное ощущение, которое стоит рядом с этой благодарностью. Ибо доверие к жизни состоит в том, что в душе существует непоколебимое настроение: в какой бы форме не подходила к нам жизнь, она всегда может дать нам нечто, и нам никогда не должна приходить в голову мысль, что жизнь тем, что она нам приносит, ничего не может нам дать. Разумеется, мы проходим через тяжелые жизненные испытания, горестные жизненные испытания; но в более широкой жизненной связи именно горестные тяжелые жизненные испытания оказываются теми, которые больше всего обогащают нашу жизнь, которые больше всего укрепляют нас в жизни. Вопрос в том, чтобы это непрерывно продолжающееся и живущее в нижней части души настроение, несколько поднять в верхнюю часть души, это настроение: «Жизнь, ты поднимаешь и несешь меня, ты заботишься о том, чтобы я шел вперед». Если бы в системе воспитания было сделано нечто в смысле развития такого настроения, то этим было бы достигнуто очень многое. Направить воспитание и обучение таким образом, чтобы именно на единичных примерах показать, как жизнь заслуживает доверия именно благодаря тому, что часто трудно бывает проникнуть в нее, это имело бы совершенно особое значение, если бы это настроение вошло в систему воспитания и обучения. Ибо именно тогда, когда рассматривают жизнь с такой точки зрения: «заслуживаешь ли ты доверия, о жизнь?» оказывается, что находишь много такого, чего обыкновенно не находят в жизни. Только не относитесь поверхностно к такому настроению, это не должно привести к тому, чтобы находить в жизни все блестящим и прекрасным. Наоборот, именно это «доверие к жизни» может в единичных случаях приводить к резкой критике дурных и нелепых явлений. И именно отсутствие доверия к жизни часто приводит к тому, что избегают критики всего дурного и нелепого, так как хотят пройти мимо того, к чему не имеют доверия. Вопрос не в том, чтобы иметь доверие к отдельным вещам, это относится к другой области. К одной вещи имеешь доверие, к другой нет, в зависимости от того, как предстают перед нами эти вещи и существа. Но нужно иметь доверие к жизни в целом, к жизни всеобщей связи — вот в чем вопрос. Ибо если уметь несколько поднять постоянно живущее в подсознании доверие к жизни, то это проложит путь к тому, чтобы действительно наблюдать «Духовное» и полное мудрости устройство и водительство в жизни. Кто — но не теоретически, а в ощущении — все снова и снова будет говорить себе: «то, как явления жизни следуют друг за другом — они означают для меня нечто тем, что они принимают меня в себя и имеют ко мне некое отношение, к которому я могу питать доверие», тот именно этим самым подготавливает себя к тому, чтобы действительно постепенно видеть то, что духовно живет в явлениях. У кого нет этого доверия, тот закрывается перед тем, что духовно живет в явлениях.

Теперь о применении этого в отношении живых и умерших. Развивая это настроение

доверия, мы даем умершему и его мыслями возможность найти к нам путь: ибо на этом внутреннем доверии (настроении доверия) мысли могут как бы переплыть от него к нам. Если мы вообще питаем доверие к жизни, если у нас есть вера в жизнь, мы сумеем привести душу в такое настроение, что в ней смогут явиться такие наития, которые суть мысли, посланные умершими: благодарность по отношению к жизни, доверие к жизни, в описанной форме известным образом связаны друг с другом. Если у нас нет этого общего доверия к миру, то мы не можем развить столь сильного доверия к человеку, которое простиралось бы за смерть. Иначе, это будет «воспоминание» о доверии. Вы должны представить себе, что чувства, если они хотят дойти до умершего, должны быть иными, чем те ощущения, чувства, которые направляются к человеку, живущему в физическом теле. Конечно, мы можем питать доверие к человеку, живущему в физическом теле. Это доверие будет вам также отчасти полезно для состояния после смерти. Но необходимо, чтобы это доверие было усилено всеобщим доверием, ибо после смерти умерший живет в других условиях, ибо мы должны не только «помнить» о доверии, которое мы к нему питали уже при жизни, но мы так же должны постоянно вызывать все снова оживленное доверие к существу, которое уже не пробуждает доверия своим физическим присутствием. Для этого необходимо, чтобы мы как бы излучали в жизнь нечто такое, что не имеет ничего общего с физическими вещами. А ничего общего с физическими вещами не имеет описанное всеобщее доверие к жизни.

Точно также, как доверие стоит рядом с благодарностью, так рядом с чувством общности стоит и нечто такое, что всегда существует в нижней душе, но что всегда может быть поднято в верхнюю душу. Это опять-таки есть нечто такое, на что также следовало бы обратить больше внимания, чем это делают. И это было бы возможно, если бы в нашу материалистическую эпоху в системе воспитания и обучения принимался во внимание этот элемент, о котором я сейчас буду говорить. От этого зависит очень многое. Если человек хочет в современном цикле развития правильно включить себя в мир, ему необходимо выработать нечто такое, — я мог бы также сказать: поднять из нижней души нечто такое, что в прежние времена атавистического ясновидения приходило само собой, чего не нужно было развивать, чьи скудные остатки еще существуют, но они постепенно исчезают, как исчезало все, исходящее из древних времен, но что необходимо развивать и при этом развивать из познания духовного мира, а не из неопределенных инстинктов. Человеку в этом отношении необходимо иметь возможность все снова и снова обновлять, освежать, самой жизнью свои чувства по отношению к тому, что с ним случается в жизни. Мы можем провести жизнь таким образом, что начиная с определенного возраста мы будем чувствовать себя более или менее «утомленными», так как мы утрачиваем живое участие в жизни, так как у нас уже нет достаточно сил навстречу жизни для того, чтобы ее явления доставляли нам радость. Сравните только две крайние противоположности: схватывание и принятие переживаний в ранней юности, и усталое принятие явлений жизни в позднем возрасте. Подумайте, сколько разочарований связано с такими вещами. Есть разница в том, в состоянии ли человек давать своей душевной силе некое непрерывное воскресение, так что для нее каждое утро ново для душевного переживания, или же он в течении жизни некоторым образом устает для ее явлений.

В наше время чрезвычайно важно обратить на это внимание, так как важно, чтобы это приобрело влияние и на систему воспитания. Именно в подобных вещах мы идем навстречу значительному повороту в развитии человечества. Суждение о прежних эпохах человечества происходит под влиянием нашей истории, которая является действительно в высшей степени условностью. Неизвестно, каким образом последние столетия привели людей к тому, чтобы все больше и больше так направлять воспитание и особенно преподавание, что в своей дальнейшей жизни человек получает от воспитания и преподавания не то, что он, собственно, должен был бы от них получить. Самое большее, что мы под влиянием современных условий в более позднем возрасте можем пробудить в себе по отношению тому, что мы затратили в юности во время воспитания, это «воспоминание». Мы вспоминаем то, что мы учили, что нам говорили и обыкновенно бываем довольны, когда вспоминаем это.

Но при этом совершенно не принимают во внимание, что человеческая жизнь подлежит, хотя и многим тайнам, но по отношению к этим вещам подлежит одной значительной тайне. В одной из прежних лекций я с другой точки зрения уже указывал на эту тайну.

— Человек — многогранное существо. Мы рассматриваем его прежде всего поскольку он является двойственным существом. Эта двойственность, как я уже говорил прежде, выражается уже во внешней форме тела. Эта последняя являет нам человека, как головного и как остального человека. Разделим человека прежде всего на голову и на остального человека. Если мы обратили внимание на разницу во всем строении человека, то можно было бы естественнонаучно сделать очень значительное открытие. А именно: если рассматривать строение головы чисто физически, анатомически, то именно голова оказывается тем, к чему может быть применена более материалистически задуманная теория происхождения, то, что в настоящее время именуется «дарвиновой теорией». В отношении головы человек известным образом поставлен в это течение развития, но только в отношении головы, а не в отношении остального организма. Для того, чтобы понять это происхождение человека, мы должны представить себе дело так, чтобы представить себе человеческую голову совершенно независимо от соотношения величин, а остальное приросшим к ней. Представьте себе, что развитие шло бы так, что человек развивался бы в будущее и какие-либо органы приобрели бы еще особые «придаточные органы». Развитие, видоизменение могло бы пойти дальше. Но так еще и было в прошлом: в прежние времена человек существовал, собственно, только как головное существо и эта голова развивалась все дальше и дальше и стала тем, чем она является в наше время. И то, что привешено к голове, хотя оно физически и больше, присоединилось лишь впоследствии. Это является более молодым образованием. В отношении своей головы человек происходит от старейших организмов, а все остальное, кроме головы присоединилось лишь впоследствии. Отсюда и происходит, что голова у современного человека всегда занимает такое важное место, так как она напоминает о предшествующей инкарнации. Остальной организм — на это я тоже уже обратил ваше внимание — является, напротив, предварительным условием для более поздней инкарнации. В этом отношении человек является совершенно двойственным существом: у головы совершенно иные задатки, чем у остального организма. Голова — это окостеневший орган. Она такова, что если бы у человека не было остального организма, он хотя и был бы очень одухотворен, но был бы «одухотворенным животным». Голова, если она не будет к этому инспирирована, никогда не сможет чувствовать себя «человеком». Она указывает на прошлые времена Сатурна, Солнца и Луны. Остальной организм указывает только до эпохи Луны, а именно на более позднюю эпоху Луны. Он только присоединился к головной части и в этом отношении действительно является как бы паразитом головы. Вы хорошо можете себе это представить: голова была некогда всем человеком, она имела по направлению вниз выделительные придаточные органы, с помощью которых она питалась. Это было очень своеобразное существо. Но по мере того, как оно развивалось дальше, по мере того, как развивались отверстия по направлению вниз, так что они уже больше не раскрывались в окружающее и поэтому уже больше не могли служить для питания и приводить голову в связь с получающимися из окружения влияниями, так что голова также костенела и по направлениюверху по мере этого оказывался необходимым и остальной придаток. Лишь вследствие этого оказался необходимым этот остальной организм. Эта часть физической организации возникла лишь в то время, когда для остального животного мира исчезла возможность возникновения. Вы скажете: трудно помыслить то, что я только что изложил. Но на это я могу только опять возразить: нужно именно потрудиться помыслить нечто подобное, ибо мир не так прост, каким хотели бы его видеть люди, не желающие утруждать свою мысль, чтобы понять его. В этом отношении можно пережить много разных требований, которые ставят люди для того, чтобы как можно легче понять мир. В этом смысле у людей весьма странные взгляды. Существует богатая кантианская литература, созданная всеми теми, кто считает Канта во всех смыслах огромным философом. Это происходит только оттого, что люди не понимают других философов и должны потратить

так много силы мысли уже для того, чтобы понять Канта. А так как он все же великий философ, то других они тем более не понимают. И так как им так трудно понять Канта, они считают его великим философом. С этим также связана боязнь считать мир сложным и необходимость истратить силы на то, чтобы понять его. Мы уже говорили об этих вещах с самых различных точек зрения. И когда впоследствии появятся мои лекции по «ок-культурной физиологии», можно будет и в частности прочесть о том, что можно и эмбриологически доказать, что бессмысленно говорить: головной мозг развился из спинного. Верно обратное: головной мозг есть видоизмененный спинной мозг былых времен и современный спинной мозг присоединился лишь как придаток к современному головному мозгу. Нужно только научиться понимать, что то, что в человеке является простейшим, возникло позднее того, что является более сложным, более примитивное, стоящее на подчиненной ступени, возникло позднее.

Эту вставку о двойственности человека я сделал лишь для того, чтобы вы поняли нечто другое, являющееся следствием этой двойственности. А следствием является то, что мы с нашей душевной жизнью, развивающейся в зависимости от условий телесности, также живем в этой двойственности. Мы не только органически имеем развитие головы и развитие остального организма, но мы имеем также два различных темпа, две различных скорости в нашем душевном развитии. А именно: наше головное развитие идет сравнительно быстро, а развитие, которое должен выработать остальной организм, — я его назову развитием сердца — идет сравнительно медленнее, идет приблизительно в три-четыре раза медленнее. То в человеке, что обусловлено головой, бывает обыкновенно закончено в своем развитии уже к 20-ти годам, в отношении к голове мы в 20 лет уже старики. И только потому, что непрерывно идет обновление от остального организма, развивающегося в три-четыре раза медленнее, мы продолжаем еще кое-как приемлемо жить. Развитие нашей головы идет быстро, развитие же сердца, которое является развитием остального организма, идет в три, четыре раза медленнее и мы своим переживанием стоим в этой двойственности. Развитие нашей головы может принять в себя очень много именно в детстве и юношестве. Поэтому мы учимся в детстве и юношестве. Но то, что тогда воспринимается, должно непрерывно обновляться, освежаться, должно быть непрерывно охвачено более медленным ходом развития остальных органов развитием сердца.

Теперь подумайте, когда воспитание таково, как в нашу эпоху, когда воспитание и преподавание имеют ввиду только развитие головы и считаются как бы только с головой, то результатом этого является то, что голова, как мертвый организм включается в более медленный ход остального развития, что она задерживает это последнее и что люди душевно рано старятся, в существенном связано с системой воспитания и преподавания. Разумеется, вы не должны представлять себе, что можно теперь поставить такой вопрос: как направить преподавание так, чтобы оно не было таким? Это очень значительный вопрос, на который нельзя ответить в двух словах, ибо в преподавании все почти должно быть иначе направлено для того, чтобы оно являлось для памяти не только чем-то таким, о чем помнят, но чем то освежающим, обновляющим. Спросите себя, сколько в настоящее время людей, когда они оглядываются назад на что-нибудь в своем детстве, на вес, что они тогда пережили, что им говорили учителя и тетки, сколько людей могут вспомнить об этом таким образом, что они не только помнят: «это ты должен сделать так-то и так-то», но так, чтобы они все снова погружались в то, что они пережили в юности, любовно обращали свой взор к каждому приему, к каждому отдельному замечанию, к звуку голоса, к чувству, которым было пронизано то, что предлагалось им в детстве и ощущали бы это так, что это является постоянно освежающим их источником молодости. Это связано с темпами, которые мы в себе переживаем: с тем, что человек должен следовать своему более быстрому развитию головы, которое заканчивается к 20-ти годам и более медленному ходу развития сердца и остального человека, которого нужно питать всю жизнь. Мы можем давать голове не только то, что предназначается только для головы, но мы должны давать ей также и то, из чего остальной организм в течение всей жизни может все снова и снова черпать освежающие

силы. Для этого, например, необходимо, чтобы все отдельные предметы преподавания были пронизаны некоторым художественным элементом. В настоящее время, когда избегают художественного элемента, так как думают, что известным культивированием жизни фантазии (а ведь фантазия есть нечто такое, что выводит человека за грань повседневной действительности), в преподавание могла бы быть внесена фантастика, в настоящее время совершенно нет никакого стремления считаться с подобной тайной жизни. Достаточно только в некоторых областях увидеть то, что я теперь имею в виду — это, разумеется, еще существует то — там, то — здесь — тогда увидят, что это вполне можно осуществить. Но это можно осуществить только таким образом, что люди снова станут «людьми». Для этого необходимы различные вещи. Я в этом отношении хотел бы указать на одну из них.

В настоящее время подвергают испытаниям тех, которые хотят стать учителями, в смысле тех или других знаний. Но что этим устанавливают? Обычно только то, что данный человек однажды во время, когда, именно, он должен был пройти испытание, «зарубил» нечто в своей голове, что при некотором умении он мог бы для каждого отдельного урока, вычитать из известного количества книг, что день за днем можно было бы усвоить для преподавания и что вовсе не нужно усваивать себе таким образом, как это делают в настоящее время. Но прежде всего во время такого экзамена было бы необходимо узнать, имеет ли данный человек такое сердце и чувство, такую кровь, которые необходима для постепенного установления связи между им и детьми. Не знание следовало бы испытывать на экзамене, но следовало бы узнать, в какой степени и в какой мере данное лицо является «человеком». Я знаю, предъявлять подобные требования к настоящему времени означает для современности двоякое. Либо скажут: кто требует нечто подобное, совершенно безумец, такой человек вовсе не живет в действительном мире. Или же, если не захотят дать подобного ответа, скажут: ведь это происходит постоянно, ведь мы все к этому стремимся. Дело в том, что люди думают, что тем, что происходит, все уже бывает исполнено, так как они в вещах понимают только то, что они сами в них вносят.

Я привел это, разумеется, для того, чтобы, во-первых, с одной стороны, пролить свет на жизнь, а также еще с целью правильно осветить то, что всегда чувствует нижняя душа человека, что так трудно именно в наше время поднять в верхнюю душу, но чего жаждет душа человека и чего она все более и более будет жаждать в будущем — правильно осветить то, что нам необходимо для души; способствовать постоянно таким образом обновлять силы этой души, чтобы по мере того, как жизнь подвигается вперед, мы не уставали, а всегда были полны надежд и говорили: каждый новый день будет для нас точно таким же, как и первый пережитый нами сознательно. Но для этого необходимо, чтобы мы, в некотором роде, не были принуждены стареть. Когда мы в настоящее время видим, как сравнительно молодые люди, мужчины и женщины душевно уже собственно так страшно стары, так мало склонны к тому, чтобы ежедневно все снова ощущать жизнь, как нечто такое, что им дается, как ребенку, когда мы знаем, что в этой области должно быть дано, сделано духовной культурой нашей эпохи. А в конечном результате чувство, которое я здесь имею в виду, это чувство никогда неослабевающей жизненной надежды делает вас способными к ощущению правильного отношения между живыми и так называемыми умершими. Иначе то, что должно обосновать отношение к какому-либо умершему, слишком сильно застревает в воспоминании. Можно вспомнить о том, что мы пережили с умершим при жизни. Но если мы не в состоянии после физического ухода умершего развить такое чувство, чтобы все снова переживать то, что мы пережили с ним при жизни, то мы не можем достаточно сильно чувствовать, достаточно сильно ощущать, как необходимо ощущать при этом новом отношении: «умерший живет только, как духовное существо и должен действовать, как дух». Если мы настолько притупились, что совершенно не можем освежить жизненных надежд, мы уже не сможем почувствовать, что произошло полное преобразование. Раньше нам помогало то, что мы встречались с человеком в жизни; теперь же помощником нам является только дух. Мы идем ему навстречу только путем развития этого чувства непрерывного обновления жизненных сил для сохранения в свежести жизненных надежд.

Я хотел бы здесь сделать одно замечание, которое, быть может, покажется вам странным. Здоровая жизнь, здоровая особенно в тех направлениях, на которые здесь теперь указывалось, если только не происходит затемнения сознания, никогда не приводит к утомлению жизнью, но совершенно здорово прожитая жизнь ведет в более зрелом возрасте к желанию каждый день сызнова начать эту жизнь с новыми свежими силами. Здоровье заключается не в том, что мы в более зрелом возрасте думаем: «Слава Богу, что жизнь моя прошла», а в том, что мы можем сказать себе: «Несмотря на мои 40 или 50 лет, я хотел бы вернуться и еще раз прожить жизнь». И нечто здоровое заключается в том, что мы от мудрости научаемся примирению с мыслью, что мы чего-либо не можем совершить в этой жизни, но в исправленном виде совершим это в другой. В этом заключается нечто здоровое: уметь принять все то, что мы пережили, и если для этого необходима мудрость, не желать исправить этого в настоящей жизни, а уметь ждать следующей. Зато это и есть доверие, построенное на настоящем доверии к жизни и на сохранившихся жизненных надеждах.

Так развиваем мы чувства, которые действительно одушевляют жизнь и которые в то же время образуют мост между живущими здесь и живущими там: благодарность по отношению к обступающей нас жизни. Доверие к узнаванию этой жизни. Интимное чувство общности. Способность оживлять жизненные надежды с помощью все вновь возникающих свежих жизненных сил. Эти внутренние этические импульсы, которые, если их правильно почувствовать, могут также дать самую лучшую внешнюю социальную этику, ибо этическое точно так же, как и историческое может быть понято только в том случае, если оно понимается в подсознании, как я это показал в публичной лекции.

Второе, на что мне еще хотелось указать из отношений живых к умершим, это вопрос, который может все снова и снова выступить, а именно: в чем, собственно, заключается разница в отношениях между людьми, поскольку эти люди воплощены в физическом теле, и между людьми, поскольку один из них живет в физическом теле, другой же не живет в нем, или ни один из них не воплощен в физическом теле? В связи с этим я хотел бы здесь дать особое указание.

Когда мы духовнонаучно рассматриваем человека в отношении его Я и его подлинной душевной жизни, которую можно так назвать: «астральным телом» — относительно Я я часто говорил, что оно является самым молодым, младенцем среди членов человеческой организации, в то время как астральное тело несколько старите, но относится только к лунному развитию, поэтому в отношении этих двух высших членов человеческого существа мы должны сказать: они еще не настолько развиты, чтобы, опираясь только на них, человек имел власть самостоятельно проявить себя по отношению к другим людям. Если бы мы здесь были все вместе, живя каждый только как Я и астральное тело и не живя также в наших эфирных и физических телах, мы были бы здесь все вместе как бы, в своего рода, каше. Наши существа сливались бы друг с другом, мы не были бы разделены, мы также не могли бы различать друг друга. Совершенно нельзя было бы разобрать, где моя рука или моя нога, и где рука и нога другого. Даже свои чувства нельзя было бы отчетливо признать за свои. То, что мы, как люди, ощущаем себя отделенными, происходит от того, что каждый в форме капли вырван из общей текучей массы, которую мы должны представить себе в более ранний определенный период времени. Но для того, чтобы отдельные души снова не слились воедино, мы должны представить себе, что каждая капля-душа вошла как бы в кусочек губки и благодаря этому они разделяются. Так оно в действительности и произошло. Только благодаря тому, что мы, как люди, живем в физическом и эфирном телах, мы отделены друг от друга, действительно отделены. Во сне мы отделены друг от друга только благодаря тому, что у нас тогда бывает сильное влечение к нашему физическому телу. Это влечение, которое так всецело направлено к нашему физическому телу, разделяет нас во сне, иначе ночью мы совершенно сливались бы все друг о другом и чувствительным душам, вероятно, было бы очень неприятно, если бы они знали, как сильно они приходят в соприкосновение с существами своего окружения. Но это не так уже плохо по сравнению с тем, что произошло бы, не будь этого горячего влечения к физическому телу, пока человек физически воплощен.

Мы можем спросить: что разделяет наши души друг от друга в период между смертью и новым рождением? Точно так же как между рождением и смертью мы нашим Я и нашим астральным телом принадлежим физическому и эфирному телу, так после смерти, т. е. между смертью и новым рождением мы нашим Я и астральным телом принадлежим к совершенно определенному созвездию, ни один не принадлежит к одному и тому же, но каждый к совершенно определенному созвездию. Исходя из этого инстинкта, говорят о «звезде человека». Вы поймете: созвездие, если вы возьмете его физическую проекцию, периферически прообразно и вы можете распределить их самым различным образом. Пространства покрывают друг друга.

Но каждое принадлежит к другому созвездию. Выражая это душевно, можно также сказать: каждый принадлежит другому ряду Ангелов и Архангелов и так они встречаются здесь своими душами. На Земле, но тоже только видимо у каждого свое собственное физическое тело. Я говорю: «видимо» и вы удивляетесь, но это определенно исследовано, как у каждого свое собственное созвездие, но и как они открывают друг друга. Представьте себе определенную группу Ангелов и Архангелов. Каждой душе принадлежит тысячи архангелов и ангелов в течение жизни между смертью и новым рождением. Представьте себе только одного из них отсутствующим и замененным другим. Тогда это будет областью соседней души.

На этом рисунке, кроме одной звезды, которую вы видите в другой области, две души имеют одинаковые звезды, но у двух душ не бывает абсолютно равных областей созвездий. Между смертью и новым рождением люди бывают индивидуализированы вследствие того, что у каждого своя особая область созвездий.

Из этого можно видеть, на чем между смертью и новым рождением основано разделение душ. Здесь в физическом мире разделение действует так, как мы это знаем, через физическое тело: человек имеет свое физическое тело как бы покровом, из него он рассматривает мир и все должно доходить до этого физического тела. Все, что входит в душу человека, между смертью и новым рождением, в смысле отношения между его астральным телом и его Я, находится в подобном же отношении с областью звезд, как здесь души и Я связаны с физическим телом. Итак, на вопрос; вследствие чего наступает разделение? Следует ответить так, как я это только что сделал.

Таким образом, вы из этих рассуждений сегодня увидели, как мы можем воздействовать на нашу душу в смысле развития некоторых чувств и ощущений в целях установления связующего места между так называемыми умершими и живыми. Также и последнее, о чем я говорил, способно развить в нас мысли, — я могу сказать: ощущения мысли или мысленные ощущения, которые опять-таки могут принять участие в создании этого места. Это происходит таким образом, что мы по отношению к какому-нибудь умершему пытаемся все больше и больше развивать тот род ощущения, который, когда мы переживаем что-либо, создает тот в душе импульс к вопросу: как сопережил бы умерший то, что ты переживаешь? К этому создать имажинации, будто умерший рядом с нами проходит через это переживание. И сделать это нужно очень живо, тогда подражают известным образом тому, как умерший общается с живыми или с умершими, относя то, что им дают различные области, либо к своей душе, либо друг к другу. Тогда уже мы здесь подражаем тому, что идет от одной души к другой, благодаря причастности к звездным областям. Если мы через присутствие умерших концентрируемся на каком-либо непосредственно интересе, если мы таким образом ощутим умершего рядом с собой непосредственно живым, то из таких вещей, о которых я говорил сегодня, будет все больше и больше, вырастать сознание, что умерший действительно приближается к нам. И душа разовьет также сознание этого. Нужно в этом отношении иметь доверие к бытию, чтобы это совершилось. Ибо если у нас по отношению к жизни будет не доверие, а нетерпение, то окажется верной другая истина: то, что приносит доверие, прогоняет нетерпение. То, что можно было бы познать через доверие, затемняется нетерпением.

Нет ничего хуже, как нетерпением наколдовывать туман перед душой.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

